

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

**Продолжение следует,
или Наказание неминуемо**

«Автор»

2008

Незнанский Ф. Е.

Продолжение следует, или Наказание неминуемо /

Ф. Е. Незнанский — «Автор», 2008 — (Возвращение Турецкого)

Действие романа протекает в Москве, Воронеже и на Рижском взморье. В Воронеже расследуются убийства, совершенные группой парней, называющих себя скинхедами. Группа сыщиков, возглавляемая Турецким, уже выходит на организаторов и покровителей этих парней, когда в городской гостинице совершается очередное убийство, жертвой которого стала женщина-латышка, давняя знакомая Турецкого. Ему и инкриминируется совершение этого преступления, поскольку все улики говорят против него...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Продолжение следует, или Наказание неминуемо

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Глава первая

БЕГЛЕЦ

Неприятно чувствовать себя зайцем, удирающим от охотника. Хотя, кажется, именно сейчас убежать сломя голову было незачем. Время пока еще не гнало, но скоро такой момент все равно мог наступить – в этом Влад был уверен. Полдня, во всяком случае, у него еще оставалось наверняка.

Подлость же момента заключалась в том, что ко всем прошлым его грехам прибавился еще и последний, который, правда, в другой ситуации, мог бы рассматриваться и как вынужденная самооборона. Если бы имелись свидетели. Точнее, если бы они, не дай бог, случайно появились, то еще неизвестно, что хуже. Но позже, покинув пассажирский поезд и пересев в липецкую электричку, Влад и сам вдруг удивился, насколько спокойно он «отключил» Серого, а затем, словно всю жизнь только этим и занимаясь, выбросил его, так и не пришедшего в сознание, из двери тамбура ночного поезда. Снаружи было темно, как в черной яме, ни огонька, только столбы мелькали в проеме освещенного тамбура, да громко стучали колеса, заглушая все остальные звуки. Какие еще свидетели! Спали все...

Серый сам «напросился». Он с первой минуты повел себя слишком подозрительно. Сказал, что будет сопровождать Влада прямо до теткиного дома и что он исполняет приказ Василия Савельевича. Интересно, с каких это пор Серый, то есть Серега Макарецев, выходит напрямую на шефа? Это всегда, ну, весь последний год, было правом только Влада как ответственного. Он лично получал указания от Денягина, он же всегда и распределял между членами своей бригады скинов, чем кому из них заниматься. Сам все распределял, включая и заработанные деньги, которые передавал ему Василий Савельевич. И вдруг – Серый заговорил таким тоном, будто ответственный теперь он!

Но, может быть, продолжал размышлять Влад, шеф действительно так приказал Серому, потому что, в первую очередь, заботился о безопасности своего настоящего ответственного, как он и сказал? И снова ничего не получалось. Не складывалось! Зачем же тогда Серый вытащил нож из кармана и кинулся на Влада – уже в тамбуре? И даже нарочно дверь наружу открыл своим ключом-«тройником»? Будто ему свежим воздухом подышать захотелось... Нет, тут игра понятная. Да и по собственной инициативе Серый не решился бы убить соперника, чтобы самому стать ответственным. Значит, они договорились за его спиной – Денягин и Макарецев, вот же гады! Ну, так им и надо...

Наверняка изуродованный труп Серого все еще валяется сейчас где-то примерно в часе езды от Грязи, между путями. И раньше рассвета его не найдут. А когда найдут, им придется поломать голову, чтобы установить, чей это трупешник. Ничего не оставил в карманах Серого Влад, все вынул – и деньги, и паспорт, и часы с руки снял, и нож из сжатых пальцев вынул, «мобилу» забрал, даже сигареты с зажигалкой, – словом, полностью очистил карманы. Единственное, где еще осталось упоминание о Сером, это фамилия его на железнодорожном билете из Воронежа до Липецка, оставшемся невостребованным у толстой проводницы. Как и билет самого Влада. Но вряд ли та сердитая тетка станет их сохранять, а сопоставить наличие невостребованных билетов с отсутствующими пассажирами вряд ли кому-нибудь придет в голову. Влад и вышел-то в Грязях не из своего вагона, а из соседнего, где на него никто не обратил внимания.

Так он логически рассуждал, полагая, что «хвосты» в данном случае сумел подчистить. Возможно, что только на время. Если Денягин не ринется немедленно его искать. Ведь у того же с Серым наверняка была договоренность, что этот бывший малолетка-уголовник сразу

позвонит шефу, как только их операция завершится. И тут Влад чуть было не совершил ошибки. Вернее, не сразу сообразил, что случилось, когда в его кармане заверещал чужой мобильник. К мелодии своей трубки он давно привык, а у Серого был не сигнал, а черт знает что, визг какой-то, да и трубка – последняя дешевка. Понятное дело, ему и звонить-то было небось некому. Влад позже посмотрел в его «записную книжку», а там были только трое: Холодильник, Рыжий да еще он – Влад, как ответственный. Денягина не было – это понятно, Василий Савельевич запрещал им заносить свое имя или номер в «книжку», запоминали наизусть, кому надо было.

И вот уже в начале седьмого, когда, уставший от постоянного возбуждения и ночи, проведенной без сна, Влад сладко прикорнул в полупустой электричке, прислонившись щекой к окну, его неожиданно разбудил резкий сигнал трубки Серого. Влад не сразу понял, что за звук и откуда он. На него стали оборачиваться недовольные пассажиры, а он торопливо и неловко пытался вытащить визжащий мобильник из брючного кармана. Наконец достал, мельком взглянул на экран и, не обнаружив имени вызывающего, сразу сообразил, в чем дело. Естественно, никаких разговоров вести он не собирался, но трубка «надрывалась», и потому Влад решительно отключил звонившего, а следом и вообще «вырубил» телефон. Поковырявшись, вытащил корпус телефона из пластмассового футляра, снял заднюю крышку и вынул сим-карту. Вот так, теперь в Липецке можно будет купить другую и заменить в аппарате – и никогда не было телефона у Сереги Маканцева.

Это, конечно, понял Влад, посмотрев на наручные часы: Серому звонил Денягин, кто ж еще? Кому придет в голову в седьмом часу утра задавать вопросы этому козлу? Ясно, что только один человек мог поинтересоваться у Серого, чем закончилась его поездка с Владом в Липецк. К тетке последнего. Если бы они доехали до нее. Тот пассажирский поезд как раз именно сейчас должен был уже подойти к перрону Липецкого вокзала. Ишь ты, у них что же, все по минутам рассчитано было? Или Влад от злости на Серого сам «заводит» себя? И Денягин вовсе не имел против него ничего, а нападение с ножом – это всего лишь собственное решение Серого покончить с соперником в бригаде? Тем более что Денягин вроде как отправил Влада в ссылку, чтоб не светился в Воронеже, где работают московские сыщики аж из самой Генеральной прокуратуры. И трое парней из бригады Влада, как сказал ему Денягин, – а у того информация поставлена круто – уже сидят в местной тюрьме и дают показания друг на друга и, конечно, на своего ответственного. Собственно, именно этот факт и стал причиной побега Влада из Воронежа в Липецк, где у него живет тетка – двоюродная сестра покойного отца. Родня – так себе, тетя Поля никогда особо не привечала отдаленного в родне племянника. О ней и вспомнил-то Влад случайно в разговоре с Денягиным, когда тот потребовал, чтобы он срочно покинул город.

И об этом теперь тоже думал Влад. Зачем была такая срочность? Мог же и дома у себя отсидеться! Но Василий Савельевич был категоричен. Даже денег отвалил, понятно, что не бог весть каких, но дал же. Через Серого передал. Но только Серый полным дерьмом оказался. Отправив того «за борт», Влад стал пересчитывать деньги в его бумажнике и увидел, что у Серого осталось гораздо больше, чем было передано им Владу. О чем это говорит? Да все о том же, что сразу не передать хоть каких-то денег от шефа Серый не мог, Влад бы взял да и проверил, а вот сколько передал – это другой вопрос. Мог ошибиться, не понять указания шефа, перепутать, не ту пачку отдать. Да только все это липа, вранье. Серый уже заранее обдумал, что не доедет Влад до Липецка, из поезда выпадет на перегоне. Так что если и пропадут денежки, то небольшие, не так жалко. Падла он был – этот Серый, таким и сдох. Еще и неопознанным. Если у кого-то не возникнет неистового желания узнать, что за дерьмо такое изуродованное валяется на междупутье в районе Грязей...

Одно только очень неприятно. Это если Василий Савельевич сам отдал Серому приказ убрать Влада. Тогда, кстати, понятно, почему звонила «моби́ла» Серого, а трубка Влада как

молчала, так и молчит до сих пор. Может, Денягин сообразил, что они с Серым прокололись, и теперь не знает, что говорить? Но это вряд ли, уж Василий Савельевич убедить кого хочешь сумеет. Давно знал его Влад, еще до своей армейской службы, потому что тот занимался с допризывниками. Много внимания уделял спортивной подготовке, сам был хорошим спортсменом, модным тогда кикбоксингом занимался, и мальчишек подбирал для себя подходящих. Влад тоже «отхлебнул» немного из его школы...

Но с ходу возникал другой вопрос без четкого ответа. Должен был помнить Денягин о некоторых «способностях» своего ученика, и тогда зачем же поручил он именно Серому убрать Влада, если у того за спиной ничего, кроме судимости по «малолетке» за участие в «мокрухе»? Или специально это сделал, чтобы напугать? Нашел пуганого! Нет, тут что-то не то. Не так. А как – башка не «варила».

Когда говорили в последний раз, Василий Савельевич сказал, чтобы Влад врал матери что угодно, и даже сам, как бы случайно, предложил на выбор несколько вариантов, одним из которых Влад, кстати, и воспользовался. Он сказал, что случайная поденная работа в речном порту ему надоела и он завербовался в Липецкую губернию строить ферму какому-то новому русскому и пробудет там, на стройке, в лучшем случае, до поздней осени. Оставил и часть денег – из тех, что выдал Денягин ему на проживание через Серого. Пообещал присылать матери каждый раз, когда хозяин будет им, строителям, «отстегивать» на проживание. Мол, такие были заранее обговорены условия. Мать поверила.

Но ведь и в самом деле теперь придется срочно думать, что делать дальше. Денягинских денег вместе с теми, что были у Серого, надолго не хватит, не говоря уж о том, что и матери помогать тоже надо. С ее «сиротской» зарплатой стыдно думать о нормальной жизни. А кормиться у тети Поли, стать ее нахлебником Влад себе позволить не мог. Да и тетка вряд ли допустила бы, чтобы здоровый двадцатитрехлетний парень сел ей на шею. Она проживала в частном секторе, на 2-й Песочной улице, имела свое небольшое жилье и при нем половину сада с огородом. По сути, она владела половиной рубленого, деревянного дома, а в другой половине, за капитальной стенкой, жили соседи. Их Влад не помнил, в последний раз гостил у тетки еще будучи школьником, с отцом приезжал. Так она вроде ничего, не злая. Но, в общем, чужая. И вспомнил-то о ней Влад по острой нужде где-то скрыться, причем срочно. А теперь понимал, что зря сказал Денягину. Тот, если захочет, найдет. А захочет он наверняка – после того, как ему не ответил по телефону Серый. И если все у тех складывалось так, как теперь предполагал Влад, то Денягин попытается и от него, Влада, избавиться. Чтобы вовсе не оставлять свидетелей, то есть тех, кто знает, что командой скинов, по сути, руководит он, Денягин. Двое знают об этом. Одного уже нет. Остался второй – Влад. Значит, кто-то появится у тетки, чтобы убрать и его, ибо он представляет непосредственную опасность для Василия Савельевича. А узнать теткин адрес в Липецке проще простого. Тот же Денягин позвонит или зайдет к матери и спросит. А мать, ни о чем даже не догадываясь, еще и спасибо скажет человеку, проявившему заботу о ее сыне, который все никак не может найти своего устойчивого места в жизни. Поэтому и сама жизнь теперь пойдет скверная: ходи осторожно и все время оглядывайся. Или срочно ищи другое место, где можно спрятаться. Но у тети Поли хотя бы появиться надо, иначе мать будет волноваться. А звонить ей с предупреждением, не говори, мол, никому, где я, еще хуже. Она ж не поверит, кинется расспрашивать, только беды наделает и сыну, и себе...

На всякий случай, подъезжая уже к Липецку, Влад и собственный мобильник отключил: лучше оставаться вне досягаемости. Мать сама звонить не станет, она и номера-то телефона сына запомнить не могла, с этой стороны опасности нет, а для остальных – нет его пока. Пусть там ломают себе головы: почему уехали вдвоем, а теперь ни один из телефонов не отвечает? Оба, что ли, «дуба дали»? Ну, и кинутся проверять?

А кто их знает? И тут Влад сообразил, что уж касательно Серого концы найти можно. Позвонят в ментовку, поинтересуются происшествиями за последние сутки на железной

дороге, вот и узнают про неопознанный труп. А дальше установить, чей труп, нетрудно, если Денягин захочет это сделать. Но только Василий Савельевич не станет «светиться», как он часто повторяет, а проще говоря, демонстрировать свой интерес к неопознанному трупу. Впрочем, кто его знает? Может и поехать, посмотреть и сделать вид, что не узнал того, кого ищет. Хотя для себя удостоверится. Вот тогда-то и начнется новая охота...

Да ну их всех к черту! От напряженных мыслей и путаницы в голове Влад устал, да и сама голова разболелась. Сколько можно – одно и то же, одно и то же, как старая пластинка. Был у него дома совсем древний, отцовский еще, проигрыватель, только новых иголок не было, а старые шипели. Иногда мать ставила пластинку с голосистой когда-то теткой – из своей молодости, слушала со слезами на глазах, а чего там слушать? Про валенки дырявые, блин? Не-а, не тема. Да чего с нее взять, с матери-то?..

С теткой не повезло.

Когда Влад, не без труда отыскав теткин дом, 9й на 2-й Песочной улице, поднялся на скрипучее крыльцо и позвонил в дверь, открыл ему незнакомый, явно сердитый мужик, от которого резко пахло водочным перегаром. Красными, заплавленными глазами он уставился на пришельца и молча ждал вопроса.

Влад сперва решил, что ошибся, детская память подвела, и даже слегка растерялся. Но спросил, не здесь ли проживает Полина Петровна, ну, тетя Поля.

– Ты фамилию говори, – просипел мужик.

И тут Влад вовсе растерялся: он забыл теткину фамилию, вылетела из головы.

– Гундорин я, – попытался он обойти щекотливый вопрос. – Мой отец покойный, Сергей Кондратьевич Гундорин, был ее двоюродным братом.

– Ну и чего? – резонно перебил мужик.

– Да бывал я здесь, у тетя Поли. С батей приезжали.

– Не знаю никаких таких Гундориных. А тебе чего надо?

– Да я ж говорю, к тетке я заехал. В гости. Она здесь живет?

– А те какое дело? – Нет, мужик был тупой либо себе на уме, и Влад начал злиться.

– Послушай, – медленно начал он, – где Полина Петровна? Ответь и я отстану от тебя. Ты мне не нужен, понял, и базарить с тобой я не собираюсь. Усек, мужик?

– Усек, – послушно кивнул тот и продемонстрировал такую ловкость, что Влад лишь с опозданием удивленно покачал головой.

Он ловко нырнул обратно за дверь и с треском захлопнул ее, после чего загремел, вероятно, щеколдой. Но это была видимость защиты от непрошеного гостя, потому что Владу, например, ничего не стоило бы выдавить локтем ближайшее стекло на веранде, и тогда все запоры мужика оказались бы бесполезными. Другое дело, что Влад не собирался этого делать, мужик мог оказаться вредным и вызвать милицию, крик поднять, соседей взбудоражить, да мало ли! А входить в контакт с ментами Влад не собирался, как раз наоборот.

– Дурак ты, мужик, – незлобливо сказал он. – Ты ж мне не нужен. Объясни только понятно, проживает здесь Полина Петровна или съехала куда-нибудь? И я уйду. Я с ней встретиться хотел, а ты мне на хрен не нужен, козел старый!

– А ты чего оскорбляешь-то? – петушком закричал тот из-за двери и снова загремел запорами. Толкнул дверь, высунул лысеющую голову. – Это кто тебе дурак-то? Это кто тебе хрен? А за козла вааще ответишь! Да я, знаешь, за такую обиду?!

Он не договорил, потому что Влад привел свой коронный аргумент, с помощью которого всегда решал любой, казалось бы, неразрешимый или спорный вопрос. Он резко и сильно стукнул мужика кулаком по лысине. Тот крикнул, будто прикусил язык, как-то булькнул и враз осел на пол, привалившись к двери. Влад шлепнул его по щеке ладонью раз-другой, голова только откатнулась. Тогда он приподнял мужика и волоком затащил в дом.

Да, это был теткин дом. Влад вспомнил прошлое. Две комнаты и еще эта веранда. И комод старый он тоже вспомнил, на нем бумажные цветы стояли в расписной вазе. Ваза сейчас была, а цветов в ней не было. И фотографические портреты старой теткойной родни на стене висели, над кожаным, протертым до седины диваном с валиками.

Вот на диван Влад и уложил мужика. А тот как будто спал. Но дышал – это было слышно – хрипло и натужливо.

Значит, тетка никуда не съехала. Но тогда этот вот – кто? Муж ее? Просто мужик случайный, которого тетя Поля могла приютить из жалости? Она, кстати, могла. У нее и кошек прилудных всегда был полон дом. Вот и сейчас ими воняло, хотя пока Влад еще ни одной не видел. А может, это уже застарелый запах, въевшийся в деревянные стены, заклеенные старыми в цветочек обоями.

Наконец мужик почмокал, пошлепал губами и открыл осоловелые глаза. Уставился на Влада. Помолчал и с трудом сел, держась за голову обеими руками.

– Ты чего? – сдавленно прохрипел он.

– А ты чего? – грубо переспросил Влад. – Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Ты кто такой? Я тебя не знаю. Сейчас вот позвоню в милицию – Влад показал мобильник, вынутый из кармана, – и заявлю, что в дом моей тетки залез незнакомый человек. Может, вор или разбойник какой! Не знаю я тебя, понял? Вот и отвечай, а то повторю вопрос. – И он показал сжатый кулак.

– Так бы и сказал, – примирительно пробормотал тот, – что племянник ее... А я ей кто? Ну, стало быть, как бы муж...

– Как бы! – насмешливо процедил Влад. – Пристроился, поди, на чужую жилплощадь, так? Отвечай!

– Не, мы давно с ней... – В голосе мужика прозвучали уже и просительные нотки.

Да в принципе Владу теперь уже было наплевать, кто этот козел тетке, другое важно: остановиться здесь он не сможет. И куда уйти, не знает. И на что дальше жить – тоже. Работу бы найти, устроиться хотя бы временно...

– А ты где работаешь? – спросил просто на всякий случай, без особой цели.

– Дак на заводе... Вон, на «Реммаше»... У меня сегодня выходной. – Последнее сказал словно бы в оправдание своего присутствия дома.

– А тетя Поля тоже работает там?

– Не, Полина она в магазине, на Октябрьском. Вечером домой вернется, у них там строго.

– Понятно. Ну, ты извини меня, – Влад показал мужику на его голову, – сам виноват. Полез в бутылку вместо того, чтоб путем рассказать. Меня Влад зовут. А тебя?

– Можешь дядь Пашей. Пал Анатолич я.

– Скажи мне, Пал Анатолич, а как у вас в городе вообще с работой? Устроиться можно? Или как везде?

– Дак на заводе у нас всегда нужны. На тяжелые работы. Только с жильем... сам понимаешь... – намек был ясен, племянник не мог рассчитывать остановиться у тетки.

– А платят как?

Тот неопределенно пожал плечами.

– Ладно, скажи тетя Поле, что я здесь, у вас, проездом. Может, если не станет возражать, разок переночую у вас, на веранде, чтоб с гостиницей не связываться. И привет ей от моей мамы, Лидии Константиновны, если еще не забыла родню... Ладно, пойду пока. Значит, только на тяжелые работы? А просто нормальной у вас там нет?

– Не, ну, узнать можно. Паспорт-то у тебя имеется?

– А как же!

– Предъяви!

Ишь ты, предъяви ему! Хотел Влад дать ему в ухо – за наглый тон, но подумал и все-таки достал свой паспорт, раскрыл, протянул «как бы мужу» теткиному. Тот внимательно прочитал, перелистал страницы, посмотрев на прописку, отметки о прохождении воинской службы, вернул паспорт. Влад сунул его в боковой карман куртки.

– А ты какими вообще владеешь?.. Ну... чего можешь-то? – спросил мужик.

– Да я после армии. – Влад хмыкнул. – Все, что стреляет и взрывается.

– Так то ж для бандюков.

– Вот и я говорю. Только сам не хочу. Но ты все-таки узнай. На всякий случай. По знакомству, так сказать. – Влад усмехнулся.

– А ты чего, ничему не учился, что ль?

– Да ты сам, смотрю, больно грамотный! – чуть не вспыхнул Влад. – Академик, блин! Профессор кислых щей. Без порток.

– Я – другое дело, – возразил мужик, продолжая бережно оглаживать лысину. – Мне некогда было учиться. Я с малолетства к делу приставленный. Всю жизнь на этом «Реммаше»... – Он и не обиделся на Влада за резкость.

– Ну и молодец, ветер тебе в задницу... Ладно, отдыхай. Вечерком, после десяти, зайду, от мамы сам тетке привет передам. Пока...

Вышел на улицу, захлопнув калитку, и с неожиданным облегчением подумал, что, может быть, оно даже и к лучшему, что здесь у него ничего не получится. Вот только почему, этого он еще сообразить не мог. Тетка, сказал этот мужик, считающий себя как бы ее мужем, работает в магазине. А там наверняка нужны подсобные рабочие. И это – всегда верный заработок, если делать дело честно. Но его вовсе не тянуло ящики таскать или разгружать пиво. Нет, не тот уровень. Хотя, если прижмет, отчего же, можно и попробовать – на крайний случай. А лучше всего, конечно, куда-нибудь завербоваться. Шабашку денежную сыскать... И такие вещи, он по Воронежу знал, лучше всего и чаще всего решаются на рынках, куда окрестные жители свой товар привозят. Если вездесущие кавказцы им это позволяют... Вот же, блин, дожили!

«Ну, не получается у тетки, – без всякой обиды думал он, – надо будет еще чего-нибудь придумать... – И тут осенила совсем „свежая“ мысль: – Зато ушел от опасности... Или еще не ушел?.. А труп-то уже наверняка нашли, и по всем ментовкам названивают: не ваш?.. И Денягин уже – тут как тут: „А где проживает эта тетка?“ Нет, у тетя Поли останавливаться нельзя. И никому говорить о том, где будет находиться, тоже. Охота затихла, но еще не кончилась. Поэтому, зайчик, не торопись высовывать уши...»

Глава вторая ПЛЯЖНАЯ ИСТОРИЯ

Завершив свою часть расследования по «воронежскому делу», Александр Борисович Турецкий охотно распил с коллегами бутылочку «стремянной» и отправился в аэропорт, чтобы больше уже никогда не возвращаться к изрядно надоевшей ему истории.

Убийство иностранного дипломата, по непонятным поначалу причинам ставшего жертвой воронежских скинхедов в ночном городском парке, никакой серьезной политической подоплеки под собой не имело, как бы ни изощрялись на эту, «волнующую демократическую общественность», тему досужие «желтые» журналоги с заранее проплаченными своими выводами. Мерзость – она везде мерзость, и в Воронеже тоже. И при чем тут «высокая политика»?..

А попутно Александр Борисович решил и еще один вопрос частного уже сыска. Двоих бывших партнеров-бизнесменов, один из которых отсидел длительный срок и, по признанию второго, вполне мог иметь на него серьезный «зуб», ловко «развели» двое, как теперь принято говорить, «оборотней» в погонах. Один – из бывших работников уголовного розыска, уже вышедший на пенсию, и второй – вполне еще действующий, сотрудник Федеральной службы исполнения наказаний. Родственники. А «развели» так ловко, что оба бизнесмена просто вынуждены были, спасая собственные шкуры, «заказать» друг друга. И, если бы Турецкий вовремя не задумался о некоторых странных совпадениях, обоих клиентов лихие мужички запросто «нагрели» бы на довольно крупные суммы.

Итак, два дела завершены, авиабилет на Москву заказан и прощальная бутылочка опустела. В городе еще оставались двое коллег Александра Борисовича, чтобы помочь местному следствию окончательно «подбить бабки» по двум делам и тоже вылететь либо спокойно выехать поездом в Москву.

Турецкий оставил друзей в покое, в смысле в гостиничном номере, запретив себя провозжать – этого еще не хватало! – и взял такси. Аэропорт близко, времени до вылета вполне достаточно. Решительно никаких попутных или посторонних дел у него не было, и оставалось только не до конца удовлетворенное чувство завершенной работы. Обычно в лучшие, надо понимать, времена Александр Борисович успокаивался окончательно лишь после того, как уголовное дело, которое он вел – других он просто не расследовал, что называется, по определению, – передавалось в суд, и судья не имел к следователю претензий. Но это – когда «служил-с»! А в частном сыске, коим и занималось частное же охранный агентство «Глория», все, касавшееся уголовщины, по закону передавалось после завершения расследования уже в официальные следственные органы. Как говорится, дело сделано, преступники найдены, а теперь уж и вы, господа, извольте воздать им по заслугам. Это удобно. Частный сыщик «пашет», клиент доволен, он уверен, что частный сыск – это действительно серьезно. Он потому и хороших денег стоит – гонорары-то не копеечные, как зарплата сотрудников бесчисленных прокуратур и следственных отделов. И, самое главное, все вроде бы довольны. Все – при деле.

Да и то сказать: еще, казалось бы, недавно, на памяти пожилого поколения убийство в той же Москве, не говоря уже о каком-то периферийном городе, считалось явлением чрезвычайным! Все на ноги поднималось, все службы! И каждая собственными головами отвечала. А теперь как? Да очередная разборка – так и говорят. И отчитываются и перед вышестоящим начальством, и перед возмущенной общественностью, что, мол, раз уж по «горячим следам» преступника не вычислили, значит, можно сказать, дело «повисло». И повисает.

А в частном сыске не может быть – ни по закону, ни по понятиям – нераскрытых или незавершенных дел. Иначе сыщик с голоду сдохнет, никто не станет нанимать такого.

Александр Борисович это знал как никто другой, он и на официальной своей службе в Генеральной прокуратуре не оставил ни одного незавершенного дела. Бывало, правда, что «верхнее» начальство отдавало личное распоряжение: дело закрыть, прекратить производством, – но вот там уж точно вмешивалась «высокая политика», категорически предлагая Закону закрыть рот и не тявкать. Считали, что времена такие, в смысле бандитские, беспредельные, во всем виноваты и, что характерно, на всех уровнях, – это ж надо такое придумать?! Ну, а люди подстраивались. «Времена, – как писал один хороший поэт, – не выбирают, в них живут и умирают...» Все понимали конъюнктуру, и себя – в ней.

И тем не менее сегодня дела уже фактически завершены, значит, сотрудники «Глории» обеспечены хорошей зарплатой, и можно подумать, за что следующее братья, а от чего следует категорически отказаться. Право выбора – это большое подспорье в работе толкового сыщика. На «государевой службе» о подобном только мечтать.

Вот и пребывая в таких, отчасти даже и возвышенных мыслях, Александр Борисович расплатился с таксистом и, кинув ремень сумочки на плечо, отправился в здание аэровокзала, чтобы посмотреть, «что там чего». Он любил вообще-то эти нечастые моменты полнейшей личной свободы и независимости. Чужие города, какие-то киоски, в них – забавные местные сувениры, при взгляде на которые впоследствии мгновенно возникают странные цепочки ассоциаций. Ресторанные блюда с несколько экзотическими – в местном исполнении – названиями, типа «Беф-Строганофф из мяса». Да на такое блюдо и смотреть-то опасно, не то что есть. А впрочем, если еще и под рюмку? Все равно: двум смертям не бывать, одной не миновать... И в этом – тоже право выбора каждого.

Ну а если подвести черту под темой выбора вообще, то возможен и такой вот вариант, но это уже из доброго, старого, хулиганского анекдота... Аттракцион. Две клетки, накрытые черным бархатом. Участнику – приз, миллион рублей. Негритянка, сидящая в клетке, исполнит ему акт настоящей французской любви. Но цимес, или, говоря языком современной молодежи, фишка, заключается в том, что желающий испытать это вот уж воистину экзотическое наслаждение, входя в клетку, не знает, в какой из них негритянка, а в какой – черная пантера Багира...

Турецкий расхохотался, почему-то очень зримо представив себе финал этих, вполне возможных, особенно в наше время, соревнований. Но, обернувшись, увидел, что трудовая масса не разделяет его веселья. Больше того, и прилетевшие, и улетающие пассажиры смотрят на него одинаково – с подозрением. А действительно, если вдуматься, что это человек – взрослый и с виду серьезный – вдруг засмеялся каким-то прямо-таки идиотским смехом? Он вообще нормальный? А может, он – террорист, прикидывающий свои будущие жертвы?... Да, не надо бы тебе, Александр Борисович, так-то вот свободно «распоясываться»... Даже грустно стало. Хотя все равно смешно!

Он взглянул мельком в привлекавшее его внимание женское лицо – типичная такая прибалтийская блондинка, – у них же по-своему очень милое выражение специфически полноватых, ангельских лиц, – и ахнул! Вот уж не ведал, не гадал! С ума сойти! Эва?!

И она тоже смотрела на него широко распахнутыми глазами, словно девчонка на любимую куклу, до которой никак не могла дотянуться. И радость обладания, и столько мучений оттого, что ручки не достают, что росточком не вышла, бедная!

Да как раз наоборот, именно за эту ее хрупкую, но взрослую, розово-фарфоровую чистоту и прозрачность такого уютного в его объятиях тела... Ну да, конечно, именно за это в первую очередь и уважал Александр Борисович Турецкий, можно сказать, даже глубоко уважал, несравненную во всех аспектах латышскую девушку. Женщину, естественно, просто воспоминания давние. Из тех лет, когда Эва в самом деле еще была девушкой. Давно это было, как говорят мудрецы на Востоке.

Это еще как в древнем анекдоте о сотворении женщины. Взглянул Господь на произведение заботливых рук своих и произнес с восторгом и обожанием: «Эва, какая!» Говорят, что после этого дремавший Адам по какому-то наитию и назвал свою жену Евой. Или Эвой, как будет угодно. В Прибалтике чаще всего именно так произносят это древнейшее имя, например: Эва Киви – very good...

И вот Эва – то есть совершенно живая, натуральная и почти не изменившая своей восхитительной внешности, изумленно трогательным взглядом сверлила онемевшего Турецкого. И где? В воронежском аэропорту, посреди зала, забитого разностильным народом – лежащим, сидячим, стоячим и прочим. Как крохотный райский цветок посреди заросшей бурьяном глухой лесной поляны. «Кажется, слишком изысканно», – мелькнуло в голове, но образ явно соответствовал моменту.

И следом – целый водопад огорчений! «Ну почему? Почему именно здесь и сейчас?! А где мы были раньше?»

Ну где были и чем занимались, известно. На то и жизнь. У каждого – давно своя...

Но, странное дело, облегчение, которое он уже испытал в душе, мысленно простившись с надоевшим Воронежем, куда-то быстро улетучилось, исчезло, растворилось в душноватом «аромате» плохо проветриваемого помещения. Сказать, что появилась озабоченность, – это значит ничего не сказать. Но что-то же говорить было надо! И Александр Борисович, тараном ринувшись к Эве, легко подхватил ее под руку, неожиданно ловко выхватил из ее руки громоздкий, но совсем не тяжелый кофр на колесиках – цивилизация там, у них, все-таки! – и быстро поволок и то и другое напрямик к выходу из здания. На площадь, где нет толпы. Эва не шла, а летела следом за ним, почти не касаясь миниатюрными туфельками каменных плит пола.

– Что произошло? – спросил он, останавливаясь и переводя дух, не понимая, впрочем, потаенного смысла собственного вопроса. О чем хотел спросить конкретно, не смог бы сформулировать. Это примерно то же самое, что и вопрос: «Ну как?» Ответ бывает аналогичным по глубине подтекста: «Восемь». И далее следует развитие темы: «А что восемь?» – «А что как?»...

Эва смотрела на него и смеялась. Она всегда так смеялась – молча и открыто, и при этом лицо ее удивительно хорошело, становясь почти детски восторженным. Ох уж эти ладные, ласковые латышечки! Пышечки-латышечки... ляжечки-пампушечки, белые булочки... Эти ножки, эти ручки! Эти щечки, эти... – ой, нет, одно сплошное гастрономическое расстройство!..

Самым, конечно, пикантным в давней истории, начавшейся на балтийском пляже, было то, что Ирина Генриховна, проще говоря, единственная по сей день супруга Александра Борисовича, прекрасно знала Эву Теодоровну Ладзиню, даже одно время они были очень дружны.

Саня и Ирка познакомились с Эвой примерно в одно время, но порознь, каждый сам по себе, независимо друг от друга. Случилось это в Риге, точнее, в Юрмале, куда в очередной раз убежала супруга, разгневанная по какой-то, вероятно очень существенной, причине на своего мужа. В Дубултах жила Иркина тетка. Сперва Ирка убегала одна, мстя мужу за его несомненные грехи перед ней. Позже, когда стала подрастать дочка, удирала с Нинкой. И всякий раз Турецкий терпеливо возвращал беглянок на круги своя.

Но вообще-то теткина квартира в Дубултах, в двух шагах от моря, считалась вне подозрений. Ирина выросла в коммунальной арбатской квартире, окруженная тремя своими тетками, от них же и ушла замуж. Фактически в соседнюю комнату, в которой проживал Турецкий. Так какие вопросы? Ах, девочка нервничает? А кто сегодня не нервничает? Еще вчера люди жили как люди, а сегодня девочка едет к единственной оставшейся в живых родной тетке, как за границу! И почему – «как»?!

Примирения всякий раз достигались, но – разной ценой. Иногда приходилось ждать. И тогда происходили самые неожиданные встречи. Вот и с Эвой так получилось. Пятнадцать лет назад... Она работала в одном из санаториев Юрмалы, еще недавно знаменитого всесоюзного курорта, состоящего, как известно, из почти десятка маленьких и необычайно уютных городков, приткнувшихся друг к дружке, – Лиелупе, Булдури, Дзинтари, Майори, Дубулты и далее, вплоть до Яункемери. Санатории и дома отдыха теснились по всему Рижскому взморью, и в них съезжались отдыхающие со всей страны. Так было при советской власти. В начале 90-х, когда прибалтийские республики обрели самостоятельность, появились границы, таможни и прочие препятствия, роскошные пляжи обезлюдели, «дворцы отдыха» обветшали. Из России на Рижское взморье ехали еще по старой памяти те, кто давно полюбил эти места. Так вот и Ирина сбегала к тетке, а Саня ездил за ней...

Однажды, прогуливаясь по пляжу, Александр Борисович обнаружил идущую впереди симпатичную белокурую девушку. Он догнал, убедился, что оказался прав, и... познакомился. Пошли вместе. И долго потом ходили. На следующий день «неожиданная», ну совершенно случайная, встреча повторилась. Уже ходили меньше, больше посиживали на лавочках. А потом были разные кофейни, базарчики с золотистой свежескопченной салакой, пиво и всякие прочие разности. Но, самое главное, за что себя даже зауважал в конце концов Турецкий, вопреки немедленно вспыхнувшему желанию он категорически не позволил себе никаких поползновений. И когда однажды Ирина засекла-таки его с симпатичной латышкой, он с полным достоинством смог признаться ревливой жене, что абсолютно чист в моральном отношении и ничего, кроме чрезвычайно интересных, с историческим, а иногда и политическим уклоном, разговоров между ним и девушкой не было. Да и не могло быть! Она слишком мила и непосредственна, чтобы вызывать в нем какие-то грубые эротические, то есть совершенно несвойственные ему мысли. Сказано было с таким горячим и искренним убеждением, что Ирина, кажется, поверила. Более того, она нашла возможность самой познакомиться с Эвой, и они сделали на какое-то время почти закадычными подругами.

Турецкий раскусил коварный план супруги: сделай потенциальную любовницу мужа своей близкой подругой, и у них ничего не получится. Так бы оно и было, если б...

Но однажды Турецкий оказался в Риге по служебной необходимости. Тяжелой, неприятной. Искали одного особо опасного преступника. Дело его было связано с нелегальным изготовлением и реализацией в России и в ближайшем зарубежье, в том числе и в Прибалтике, крупных партий фальшивой американской валюты высочайшего качества, между прочим. Взяли изготовителя в России, где и судили, а затем, по настоятельной просьбе правительства Латвии, экстрадировали преступника на родину, где он и сел окончательно.

Так вот, в тот свой приезд Александр Борисович выяснил для себя и Эвы, разумеется, такую простую истину, что даже самые доверительные отношения между лучшими подругами не могут устоять перед пароксизмом истинной страсти. А уж Эва, в чем он быстро убедился, знала в этом толк. И какой! Нет, он не жалел, что поддался чувству. Она, как выяснилось, тем более.

А дальше их отношения развивались странно и весело. Они могли не видаться неделями, месяцами, а потом кто-то из них звонил или посылал телеграмму, в которой назначал место и время встречи. И все! И он или она бросали любые дела, чтобы прилететь и встретиться. Ненадолго, всего на несколько часов, но зато – каких! Потом встречи происходили реже, совсем редко, раз в год, в два года. Остывали? И да и нет. Потому что эти почти случайные встречи превращали их в ненормальных, диких любовников. Это называлось у них – дорвались... И пресыщались? Возможно... И еще они не были решительно ничем обязаны друг другу, ничем, кроме страсти.

Но последнее свидание состоялось в Риге, в маленьком кафе на площади у Домского собора. Турецкий сознался, что всю жизнь мечтал послушать этот соборный орган, знаменитый

если не на весь мир, то уж на всю Европу точно. И каждый раз у него почему-то не получалось. Да сама же Эва и отвлекала его мысли и желания совсем на другое. Она пообещала тогда, что запомнила это его пожелание и оно обязательно исполнится. Когда? Ах, это когда! Когда-нибудь, разумеется...

Так что же произошло? По глазам Эвы Александр Борисович видел, что она жаждала его встретить и добилась-таки своего. Это что же, значит, какое-то предопределение двигало им, руководило его действиями? Или что-то вроде того?

Он бы плюнул на все. Но самолет улетал по расписанию, и слишком много людей уже знало об этом. И ожидало в определенный час появления Турецкого с подробным отчетом о проделанной работе. Так что, наплевать?.. Или все-таки подумать?..

Эва всегда была умной девочкой. То есть женщиной. Ничего ломать не надо. Встреча в самом деле случайная. И она здесь по делу. У нее в Риге свой бизнес, это связано с модной одеждой, а здесь, в Воронеже, имеются хорошие оптовики, с которыми она поддерживает тесные контакты. «Россия по-прежнему помогает, – пошутила она. – Что бы я делала без вас?»

– Как долго ты будешь здесь? – спросил Турецкий, чувствуя, что ему надо срочно бежать, иначе он останется. Еще немного, и он предложил бы ей отобедать вместе с ним.

– Я намеревалась недолго остановиться в Москве, – ответила она с щемящим душу акцентом. – Я еще не уверена, где назначу встречу, но, определенно, такой приятной возможности потерять не хочу...

От ее лукавой и обещающей улыбки ему стало совсем скверно. Вот так бы схватил в охапку и... гори все синим пламенем! Хоть час, да мой! «А вдруг это все-таки предопределение?» – такая вот мысль заиклила. Сколько раз случалось, что собирался человек лететь, а тут вдруг какая-то непредвиденная случайность ломала планы, и оказывалось... Ну да, самолет улетел без тебя, упал, разбился, все погибли, а ты – цел и невредим и не знаешь, что по спискам улетевших пассажиров – давно покойник.

Но ее уверенность сняла, отринула его сомнения.

– Не опаздывай, уже объявили твою посадку, – улыбнулась Эва. – Я тебе плохого не пожелаю...

«Остается только надеяться», – мысленно сказал себе Турецкий и спросил-таки напоследок:

– Но ведь ты была уверена, что встретишь меня! Не так разве?

– Именно так, – улыбаясь, кивнула она.

– Но каким образом?

– Я звонила, – просто ответила она. – Ира рассказала мне о твоём несчастье. Потом как ты поправлялся. Чем занимался потом, я много знаю. И в Воронеже у меня дела оказались потому, что и ты был здесь. Но я не рассчитывала, что ты – такой классный следователь. Ты закончил скорее, чем я надеялась. Но напоминаю, следующая весть – твоя!..

«Следующая весть – моя», – повторял он, поднимаясь по трапу на борт самолета. Да, на ту, последнюю встречу с Эвой у Домского собора в Риге, незадолго до его ранения и контузии, что случились два года назад, телеграмму с лаконичным текстом: «Рига, Домский собор, суббота, семь вечера», прислала ему она. И теперь его очередь назначать свидание. Уж будьте спокойны, он назначит! Ну, Эва, ну, попадешься! Вот кого ему долгое время так не хватало...

«Одну минуту! – спохватился он. – А как же Москва? Она же сама сказала...»

– Пожалуйста, проходите и занимайте любое свободное место, – вежливо обратилась к нему красивая стюардесса в кокетливой пилотке на шикарных светлых кудрях.

– Благодарю, – излучая фимиами, кивнул ей Турецкий. – Я бы предпочел рядом с вами.

– Увы! – кокетливо улыбнулась стюардесса. – Хотя в иной ситуации я бы не возражала.

«Нет, это не дежурное радушие. Но неужели я действительно похож на счастливого, сияющего идиота?» Вопрос следовало обдумать.

– Вы – прелесть...

Можно сказать, обменялись...

«Ну, конечно, – сообразил наконец Александр Борисович, – Эва же полетит домой через Москву, значит, и позвонит сама. А вот уже следующая встреча – за мной! Девушка смотрит далеко вперед. Так далеко, что даже я не вижу...»

Ему и в голову не могло прийти, насколько он окажется неправ...

Глава третья

БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Влад бродил по рынку, приглядываясь к группам мужчин, обсуждавших с различной степенью интереса свои проблемы. Спорили, кричали, оглядываясь, распивали водку, просто мрачно сидели в ожидании неизвестно чего. Обычная картина, которую можно наблюдать в районах массового скопления людей в любых городах и населенных пунктах. Кто-то однажды сказал, что вот как сдвинулась еще в начале прошлого века Россия, так все никак остановиться и не может. Да, похоже на то...

Ничего не евший еще со вчерашнего вечера, Влад тем не менее не торопился зайти в какую-нибудь забегаловку, где цены, он знал, несусветные. За такие же деньги можно было вдоволь наесться хотя бы тех же пирожков у любой приличной тетки, разносящей вдоль прилавков пищу собственного, домашнего производства. Продавцы, боящиеся оставить без примотра свой товар, всегда охотно пользуются их услугами. А раз едят и до сих пор живы, значит, не так и страшен черт, как его малюют. И Влад, которому уже надоело, честно говоря, толочься в базарной людской мешанине, остановил свое внимание на пожилой тетке с большим бидоном на тележке с колесиками, в котором у нее был налит горячий чай, и с сумкой, откуда она извлекала нечто похожее на пирожки с капустой. Люди охотно питались. А чем он хуже?..

При всем том что жил он до сих пор как бы самостоятельной, закрытой для матери жизни, в которой были и свои нешуточные опасности, и даже в известной степени смертельный риск, в чисто бытовом отношении он оставался, в сущности, телком, за которого думала и отвечала – в житейском смысле – все-таки мать. Есть вещи или знания, которые приходят просто с опытом, даже и не в лучшем смысле этого слова. Ну, например, пока лично тебе не очистит какой-нибудь гад карманы, ты так и не научишься пониманию того, что хранить все яйца в одной корзине категорически нельзя. Что бы тебе при этом ни говорили знакомые. В общем, скорее всего это был тот случай, когда человек должен сам обжечь нос, прежде чем поймет, куда совать его не стоит. Только личный опыт, в чем Влад вскоре и убедился.

Выбрав тетку с пирожками, недоверчивый Влад немного походил за ней по рынку, посмотрел, как расходится ее товар, и наконец решился и сам взять пяток пирожков и пластмассовый стаканчик с чаем. Полез в боковой карман куртки за деньгами, которые сунул туда, чтобы каждый раз не вытаскивать бумажник с основными деньгами, не привлекать к себе ненужного внимания посторонних. Но карман был пуст.

Он сначала не понял, что произошло. Сунул руки в брючные карманы, потом во внутреннее куртки. Бумажник и паспорт были на месте, нож Серого с обернутым платком вокруг лезвия – тоже. И вдруг его обдало холодной волной. Какой, к черту, паспорт?! Он же свой показывал тому мужику у тетки! Свой! А здесь паспорт Серого... Украли!.. Деньги – хрен с ними, их было немного, пара сотенных, но паспорт!..

Сильно расстроенный, он отошел в сторону, к забору, вынул паспорт Сергея Михайловича Маканцева. И как догадался еще в поезде не выбросить!.. Паспорт-то совсем еще новый, хоть и пять лет назад выдан, значит, не часто пользовался им Серый, ни к чему ему было. Совсем мальчишка – на фото. Лицо круглое, уши торчат. Темноволосый – это проходит, Влад и сам был темноволосым, а что стрижен коротко, так мода теперь такая. Если не налысо. И рост нигде не указан, а то смешно: Серый – и он, Влад! Даже сравнивать нельзя с этим недоноском. Ну, кое-как, может, и пройдет, на первое время... Но вот появляться у тетки с этим паспортом уже нельзя. Сразу вопрос: откуда он у тебя? Правда, мужик ее видел его настоящий паспорт, подтвердит. Ну, украли, что делать? А за новым надо домой, в Воронеж, ехать. И заявлять о пропаже здесь, в милиции, тоже нельзя, это понятно. Вот тебе и влип!..

Кто он теперь? Натуральный бомж. Но можно ведь воспользоваться и паспортом Серого, скостить тем самым себе пяток лет. А если спросят, почему не в армии? Так – судимость же... вот почему. И вообще, как проверить, он это или не он? Но уж, во всяком случае, Макарецва милиция искать не будет, если тело на железной дороге сумеют как-то опознать. А что, пока получается, что это и есть единственный выход. И по такому паспорту всегда можно завербоваться на заработки куда-нибудь к частнику, которому наплевать, кто на него будет горбатиться, шею гнуть. Значит, и отступления теперь нет...

Печальный итог подвел для себя Владислав Сергеевич Гундорин. Бывший уже теперь Гундорин. Пора начинать привыкать к фамилии Макарецов и имени Серега, Серый... Выпал парень из поезда и тем место освободил тому, кого хотел сделать покойником. Во! Закон: не рой другому яму!

Но жрать-то охота... И Влад, вернее, Серега теперь, решил отметить резкий поворот в своей судьбе – тем более что ничего уже изменить нельзя, хотя бы в ближайшие полгода-год, – небольшой выпивкой с приличной закуской, а не пирожками всухомятку. Все же привык у себя в Воронеже в «Золотой рыбке» к культурному обслуживанию. Василий Савельевич приказал бармену Лехе обслуживать своих парней бесплатно, за исключением спиртного, это понятно, а готовили в «Рыбке» хорошо. Ладно, подумал, от одного раза сильно не обедняет, хотя экономить деньги надо – неизвестно, когда стоящая работа подвернется. И жить ведь еще где-то надо, а это тоже деньги. Тетка-то уже исключается...

Эх, Василий Савельевич!.. Несмотря на мерзкое, гнусное предательство старшего, думалось, товарища, шефа, как тот любил чтоб его называли, Влад никак не мог заставить себя называть Денягина какой-нибудь унижительной кличкой типа падлы или паскуды, например. Нет, уважительность, видимо, уже всосалась в мозги, будь он проклят, этот гад ползучий!..

На другом конце рынка в это же время худой шкет по имени Колюн, сплевывая, как взрослый, через губу, арбузные семечки, рассказывал крупному, нестриженому парню в зеленой майке, затасканных камуфляжных штанах и солдатских ботинках без шнурков, который был ему знаком, о том, как он только что разул лоха. Ну, карася. Потерялся рядом с ним, аккуратно паспорт вынул из его кармана и бабки. Бабок, правда, немного оказалось, две с половиной сотни всего, зато паспорт – чистенький, больших денег может стоить, если фотик другой наклеить.

Оба они сидели на деревянных поддонах и, чавкая и отплеываясь, дожирали большой арбуз, потому что слово «доедать» тут не проходило – так люди вообще-то не едят. Коровы, к примеру, те могут.

– Покажь, – проявил интерес нестриженный, отбросив за спину, к забору, последнюю обглоданную корку. Поводя татуированными плечами, он обтер корявые клешни пальцев о собственную майку.

– Щас! – Колюн хотел было отодвинуться в сторону, но не успел, сильная рука уже ухватила его за шиворот.

Шкет заверещал, вырываясь, но хватка у здорового парня была крепкой, а другой рукой тот быстро и умело обшаривал карманы. Наконец паспорт был извлечен, и нестриженный отпустил – оттолкнул от себя Колюна. Тот заныл:

– Отдай, Самдели!

– Щас! – передразнил его парень. Он пролистал паспорт и сунул его в карман своих штанов. – Малявкам рано за чужие ксивы хвататься. – Парень показал Колюну крупный кулак. – Вали отсюда, а то всамдели врежу!

И конфликт на этом закончился. Пацаненок убежал, обиженный и злой, потому что дошло до него наконец: не хрен было хвастаться, сам виноват. А парень со странной кличкой Самдели посидел еще, поплевал и отправился прочь с рынка. У него созрела собственная идея

насчет украденного паспорта. Появился, слышал он, один братан, который интересовался возможностью приобретения нормальной ксивы. Братан не то чтобы совсем крутой, иначе бы на рынке не ошивался, но говорили, что прибыл издалека, из-за Урала, и с бабками у него полный порядок. Так почему не попробовать толкнуть удачную находку?..

Грудастый пятидесятилетний мужик, похожий на растолстевшую бабу, но только лысый и небритый, как теперь модно – с короткой седоватой щетиной по щекам и подбородку, – сидел за столиком в кафе, неподалеку от входа на рынок, и хлебал густой, жирный суп. Перед ним стоял стеклянный графинчик, граммов на двести, уже ополовиненный, и лежала груда зелени. Ясный пень, похмелялся, хотя уже давно не утро. Но для Лаврентьича, так звали толстяка, начальника службы охраны рынка, время суток значения не имело. Хачики, армяне, торговавшие на рынке, специально для него готовили свой особый хаш, горячий и жирный, – из говяжьих ножек и рубца, с острой чесночной приправой. И Лаврентьич шумно хлебал его, загрызая, как положено, пучками свежей пряной зелени – укропом, петрушкой, кинзой и базиликом. Этот процесс был похож у него на некое священнодействие, но все вокруг знали, что именно в такие минуты с Лаврентьичем можно было положительно решить любые, даже самые сложные и запутанные вопросы. Он словно балдел от наслаждения и был податлив на обещания. Которые, впрочем, исполнял. И за это его уважали.

И еще торгующим на рынке и вокруг него и имевшим, так сказать, свой частный, отдельный бизнес было известно, что с каждого участника любой сделки лично Лаврентьич имел свои твердые и постоянные три процента. Он произносил это слово с ударением на первом «о». Про него иногда так и говорили: «Три прОцента».

– Привет Лаврентьичу, – сказал, подходя, Самдели, но не присаживаясь на соседний стул. Приглашения не последовало. Это означало, что и дело у него копеечное, не для долгого разговора. – Приятного аппетита с утречка, – насмешливо закончил парень.

– Да уж какое утро? – буркнул шеф охраны и захрустел очередным пучком зелени. – Чего надо?

– Слух прошел, что человек подходящую ксиву подыскивает. Интерес имею.

– Товар-то есть?

– Найдем, Лаврентьич, всамдели. – Парень потряхнул лохматой головой.

– Условия знаешь?

– А как же! Три процента!

– Ну и дело, после обеда подруливай. К трем чего-нибудь.

– Есть, командир, – ухмыльнулся Самдели и, снова кивнув на прощание, ушел из помещения.

Теперь надо было походить, поспрашивать, сколько может стоить почти новый паспорт, какую цену назначить, чтоб самому не прогадать. Вопрос важный. А братан, говорят, при бабках. Самого Лаврентьича спросить? Так надо товар предъявлять, расспросы пойдут, откуда... А он доходно устроился, что б ни толкали, а свои три прОцента он от каждого имеет. Но это, наверное, правильно, чтоб никому не обидно – ни покупателю, ни продавцу. И от ментуры прикрывает, на случай, чтоб знали, если б кто кинуть его решил. Там у него кореша такие – вмиг повяжут! Лучше не связываться, а уж поступать по его закону. Так он и сам небось делится, а как иначе?..

С клиентом, молодым парнем с бритой, шишковатой головой и с толстой цепью из «рыжья» на мощной шее, Самдели встретился после обеда в конторе у Лаврентьича. Тот, познакомив участников сделки, в самом процессе участие принимать не собирался, вышел из кабинета – на минутку, как сказал он, собираясь вернуться, когда товар и деньги поменяют хозяев, чтобы получить положенные проценты.

Братан внимательно перелистал странички поданного ему фактически новенького еще паспорта – третий год как выдан, несколько раз хмыкнул с усмешкой, потом отодвинул доку-

мент от себя, как бы посмотрев на фото со стороны, и сказал, что фотографию сейчас менять не станет, и так вроде похож. Правда, возраст хорошо бы маленько состарить. Самдели согласился, что ксива достойная и личность вроде бы схожа. Да и вглядываться особо некому.

Въедливый братан еще спросил, что с хозяином, живой ли? На что продавец ответил, что это без разницы, поскольку тот не липецкий, а приезжий, из Воронежа. Его тут и искать никто не станет.

А про цену Самдели для себя уже выяснил. Расспросил хачиков, которые про все знали, и утвердился в мысли, что две тысячи «зеленых» будет та цена, с которой можно начинать торговаться. Он и предложил ее братану. А тот спорить не стал, но сразу сказал: «Полторы» – и, достав из кармана нехилую пачку долларов, быстро отсчитал пятнадцать сотенных американских купюр. А затем он еще раз осмотрел паспорт со всех сторон, сунул его в свой карман, а деньги подвинул к продавцу, показывая тем самым, что сделка завершена. Самдели тоже не стал спорить, покупатель, конечно, знал настоящую цену.

И тут появился Лаврентьич.

– Договорились? – спросил он с утвердительной интонацией. – Тогда заканчивайте и гуляйте, парни.

Братан протянул ему банкноту в пятьдесят долларов и, махнув рукой, легко шлепнул начальника охраны по протянутой ладони, после чего молча вышел. С продавцом он прощаться не захотел. А Самдели, проследив за ним взглядом, отдал Лаврентьичу сотенную бумажку, а сдачу получил ту, которую оставил покупатель: все было по-честному.

– Вали, – махнул ему рукой хозяин кабинета.

– Ага, Лаврентьич, бывай, – сказал парень, выходя.

«Арбуз, что ли, шкету купить? Пусть жрет... – подумал Самдели. – А чего, всамдели, на хрена ему бабки?»

И он, подумав еще, отправился через улицу, наискосок, к отделению сбербанка, рядом с входом в который размещался обменный пункт валюты. «Не, ну, всамдели, – размышлял он, – не валютой же на рынке расплачиваться... за те же арбузы!»

Он положил в окошко пятидесятидолларовую купюру, подумал и добавил сотенную. Кассирша быстро пропустила через свою машинку первую, но на второй остановилась. Вынула и стала рассматривать через лупу. Потом сунула ее обратно из окошка и сказала, что эта не проходит.

– погоди, – нахмурившись, остановил обменный процесс Самдели. Достав остальные купюры, он стал по очереди, по одной, протягивать их кассирше. Та удивленно брала, запускала в машинку и через короткую паузу возвращала, отрицательно качая головой. При этом после каждой операции лицо ее все больше настораживалось, и она, уже с откровенным подозрением глядя на клиента, отдала ему последнюю.

– Похоже, они все фальшивые... Вот кроме этой, – она показала на пятидесятидолларовую купюру.

Ну то, что Самдели с каждым возвратом наливался яростью, понимая, что его «сделали», как шкет того лоха, об этом и говорить нечего. Он сказал:

– Ладно, эту хоть разменяй! А с остальными я сейчас пойду разберусь! Вот же... – И прикусил язык, чтобы не выматериться от души.

Входя через десять минут в кабинет Лаврентьича, он увидел начальника, разговаривающим по телефону. Тот имел вполне жизнерадостный вид: похмелья как не бывало. «Сейчас тебе будет большое удовольствие!» – злорадно подумал парень.

– Тебе чего еще? – не приветливо спросил начальник, прикрыв ладонью микрофон трубки.

– Ты еще не разменивал «зеленую»?

– А чего такое?

– Сходи, может, твоя лучше? Повезет тебе?

– погоди! – Лицо Лаврентьича стало строгим. Он отнял ладонь от трубки и сказал собеседнику: – Я перезвоню, дело тут. – Бросил трубку на аппарат и спросил: – Чего случилось?

– А вот, – буквально закипая от злости, парень швырнул на стол стопку сотенных, – все – фальшак! Откуда ты такого клиента откопал, Лаврентьич?.. Твоя наверняка тоже! А вот полтинник – тот был настоящий, понял? Так откуда взялся этот козел?

У Лаврентьича глаза вылезли из орбит, он покраснел, потом побагровел, словно его удар хватил. Вытащил купюру из ящика стола и стал тереть ее пальцами и рассматривать на свет, будто что-то понимал в этом деле. Швырнул наконец и ее на стол и уставился на парня.

– Точно фальшак?

– Точней не бывает, – развел руками Самдели. – Вон, напротив проверял. В банке. Сразу надо было, как сердце чуяло! Да тебе ж поверил! Ну, блин...

– Ладно, ты иди пока... – отмахнулся совсем мрачный начальник рыночной охраны. – Я разберусь.

– А как же?..

– Ступай, говорю! – рявкнул Лаврентьич. – Я ж не пытаю, откуда у тебя ксива? Получил свое и вали!.. Без тебя разберусь...

Он сгреб одной рукой все купюры со стола и, смяв их, хотел уже бросить в урну для мусора, но передумал и небрежно швырнул обратно на стол. Решил, наверное, перепроверить. И снова сердито махнул рукой на парня, чтоб тот не маячил тут, а убирался к чертовой матери.

...Около пяти часов вечера того же дня в привокзальном туалете, куда прибежали двое милиционеров из транспортного отдела, услышав громкие крики и шум драки, было обнаружено тело относительно молодого еще человека, шишковатая, наголо выбритая голова которого была разбита тяжелым предметом. Само предполагаемое орудие убийства – кусок металлической водопроводной трубы, обернутой окровавленной тряпкой, – было найдено рядом, на бетонном полу туалета. Но смерть все-таки наступила, как указал судебно-медицинский эксперт, прибывший с оперативно-следственной бригадой на место происшествия, не от удара по голове, а от проникающего колото-резаного ножевого ранения в область печени.

Общая же картина трагического происшествия по предварительному предположению следователя, основанному на выводах экспертов и оперативника, была такова.

Погибший явно имел отношение к одной из организованных преступных группировок. И в данном конкретном случае в помещении общественного туалета при железнодорожном вокзале имела место бандитская разборка, основной причиной которой могли быть фальшивые американские купюры. При нахождении трупа в общественном туалете изо рта покойного была вынута перекрученная пачка американских долларов, которые при проверке все до единой оказались фальшивыми. Однако экспертиза подтвердила высокое качество изготовления иностранных купюр. По версии следствия, погибший, вероятно, обманул своих поделщиков или клиентов, всучив им поддельные деньги вместо настоящих за какую-то крупную сделку. И за это он поплатился. Купюры, засунутые ему в рот, прямо на это указывают.

Кроме того, на теле погибшего имеются татуировки, свидетельствующие о его пребывании в колонии исправительного учреждения.

Наконец, при обыске трупа, в одном из потаенных карманов, был найден документ, удостоверяющий его личность. Это оказался паспорт, принадлежавший жителю города Воронежа Гундोरину Владиславу Сергеевичу, 1984 года рождения, зарегистрированному по адресу... и так далее. Имеются данные о группе крови и резус-факторе, что указывает на прохождение указанным гражданином армейской службы, а также сведения о ранее выданном паспорте.

Все это требовалось тщательно проверить, а также произвести идентификацию трупа для окончательного установления личности покойного и возможности проведения дальнейших следственных действий. Ибо оставался открытым главный вопрос: каким образом граж-

данин Гундорин В.С. проходил фактически одновременно армейскую службу и отбывал наказание за неизвестные пока преступные деяния в течение, судя по лагерным наколкам, никак не менее пяти лет? И напрашивался вывод о том, что паспорт на самом деле не мог принадлежать покойному.

Значит, дальнейшее расследование целиком зависело от сведений, которые должны были поступить из Воронежа – из паспортного стола милиции, из военкомата и с места проживания гражданина Гундорины.

Ничего этого, разумеется, не мог знать Влад, пронизанный тягостным ощущением какой-то непонятной, буквально раздавливающей его тоски. Целый день прошел бездарно, впустую. Ничего не нашел и ни о чем не узнал. Возвращаться к тетке очень не хотелось, что-то мешало, а что, он никак не мог понять.

Уже в самом конце дня, в забегаловке у того же рынка, он разговорился с нерусским мужиком, говорящим с кавказским акцентом, а вот кто он, определить не мог. Просто, можно сказать, перекинулся парой фраз насчет того, нет ли возможности где-нибудь поблизости поработать?

– А ты к Лаврентычу на базар ходи. Он за деньги, что хочешь, поможет, а за большие – вообще все!

– А кто он – Лаврентыч твой?

– У-у, очень большой человек. Все умеет! – уверенно сказал мужик, заворачивая в лаваш зелень и крупно откусывая свой «ужин».

– А где его найти? – допытывался Влад.

– Ты завтра спроси, все знают. Сегодня поздно, он уже кушает, навэрно...

– Так что, может, я еще успею? А где он питается?

– Нэт! Ныльзя быспокоить...

«Да, – с тоской подумал Влад, – неустроенность хуже неизвестности. Привык дома, что все всегда в порядке, все на своем месте, ни о чем заботиться не нужно. А вот ты теперь сам побомжуй, почувствуй эту радость...»

Подумал, что в другой ситуации если и заговорил бы с подобным «чуркой», то на другом языке. На языке хозяина, а не просителя. А теперь как быть, если сам чувствуешь себя ничтожным просителем? Но ничего, все вернется, а пока будем считать свои действия как бы маскировкой, вынужденным камуфляжем.

И вспомнилось, совсем некстати, что совсем еще недавно, будто вчера, он учил дурака Носа действовать решительно, как подобает настоящему бойцу. А Колун оказался молодцом, схватил руку Носа с зажатым в ней ножом и врезал пару раз в ту вонючую старуху. В азарте – куда ни шло, а сейчас и вспоминать противно, визг этот, грязь, вонь... Нет, бомжом он не станет! Не выйдет это у них! Ничего-ничего, все образуется... Вот завтра же и образуется...

Только спать сегодня придется, наверное, на вокзале. А куда деваться?.. Не к тетке же возвращаться...

Глава четвертая

НЕБОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА

Помощник депутата Воронежского законодательного собрания Василий Денягин звал своего шефа Перепутного, естественно за глаза, Бирюком. А тот и впрямь, когда был моложе и только возглавил областную милицию, напоминал характером одинокого и мрачного зверя, волка. Он и теперь, хотя раздался телом во все стороны, характером не изменился, а к вечному хмурому недовольству добавилась и капризность – старческая уже, что ли?

Это Василий Савельевич таким вот образом пытался понять и объяснить себе причину, по которой Бирюк, то есть Мирон Сидорович, который день подряд не устает нудно выговаривать ему по поводу проколов, случившихся с парнями из бригады Влада Гундорина. В других бригадах пока все было в порядке, Денягин временно велел им не высовываться, залечь.

А может, сыграло отрицательную роль и то обстоятельство, что уже в самом начале сорвалась так толково подготовленная операция с общежитием? Ведь Бирюк определенно рассчитывал, что кровавая драка и пожар в общежитии, где на головах друг у друга проживают мигранты из иностранцев, добрая половина из которых нелегалы, вызовут громкий общественный резонанс. Коренное население активно продемонстрирует свое категорическое несогласие с политикой нынешнего губернатора, с легкой руки которого губерния наводнена понабежавшими со всех сторон приезжими «чурками». А это обстоятельство, в свою очередь, позволит Перепутному, как председателю комиссии в Думе, курирующей вопросы безопасности, поднять свой голос в защиту авторитета партии Российских патриотов, которая выступает против наплыва мигрантов и начинает свою предвыборную кампанию. То есть все было точно рассчитано, а тут – срыв за срывом. Взбесишься, это понятно...

Но главный повод был, конечно, в другом. И это тоже понимал Денягин. Оказалось, что один из московских следователей – он уже отбыл в Москву, а двое еще остались заканчивать дело – перед вылетом позвонил Ваньке-Каину, как Бирюк называл своего «сменщика» в УВД, генерал-майора милиции Ивана Никифоровича Каинова, и наглым тоном – ну как же, москвич-то оказался прокурорским генералом! – посоветовал тому всерьез и срочно заняться молодежной преступностью, в частности скинхедами, чтобы в самом ближайшем будущем не сесть торжественно в лужу.

Ну, Ваньке-то – как с гуся вода, но он тут же перезвонил Бирюку и не менее торжественно преподнес тому «сладкую» пилюлю, присовокупив, что, скорее всего, он и последует совету этого Турецкого, – мать его растудить! – ибо иного выхода и не видит. Тот ведь обещал в ближайшие часы сообщить свои выводы о проведенном следствии самому министру внутренних дел, который, как теперь становится известным, и послал в Воронеж именно Турецкого, рассчитывая на его, видите ли, объективность и точность политических оценок. Вот так! Не хотели, так получите, господа! А у Ваньки давно уже, мол, костюю в горле сидят эти Бирюковы «патриоты».

Пощечина, похоже, оказалась весьма чувствительной. Особенно на фоне того, что двое гундоринских сопляков уже «загорают» в СИЗО, сливая компромат друг на друга и на своих товарищей, которым на воле бегать тоже осталось, вероятно, уже совсем недолго. И этого не скроешь от Бирюка, да он и сам в курсе, кто-то его информирует, о ком, к сожалению, не знает Денягин. Ну да, разумеется, Бирюк же опытный, прожженный ментяра, всю жизнь с агентурой дела имел, наверняка и сейчас имеет. Вот и говори после этого о доверительных отношениях со своим начальством!

Но самое скверное, конечно, заключается в том, что Гундорин для своей роли ответственного слишком много, оказывается, знает. И если Влада достанут-таки эти слишком рети-

вые москвичи, тому будет что рассказать следователям. Это понимал Денягин, как и то, что тогда и ему самому придется «смазывать лыжи», потому как ввязываться в политические игры он не желал. Он исполнял поручения, но был уверен, что Бирюк, то есть депутат Перепутный, в случае нужды непременно сдаст его не задумываясь. Сделает крайним. И больше того, исполнит это таким образом, что Денягину и рта открыть не дадут. Потому что не успеет он, так и уйдет «крайним». А ему это надо?..

Вопрос, между прочим, по существу. И вариантов ответа тут всего два. Первый – сразу «делай ноги», а они пусть ищут. И второй – посложнее – сделай так, чтобы Гундорина они не нашли. Вообще никогда не нашли.

Он и сделал так, да парень оказался, видимо, хитрее. Или умнее. Послал с ним провожа- того в Липецк, которому и дал команду: решить проблему где-нибудь на перегоне. А в награду пообещал того сделать ответственным. И вот – тишина. Телефоны обоих не отвечают. Недоступны. Если Влад разгадал затеянную Денягиным игру, тогда понятно, что произошло, и, значит, остается только найти труп Макарцева, чтобы в этом окончательно удостовериться. Но при этом необходимо немедленно продолжить активный поиск Гундорина, чтобы успеть убрать его раньше, чем до него доберется следствие. Тут уж вообще никакой альтернативы нет.

Выходит, дорога ведет в Липецк. Придется заняться теперь поиском самому – мальчишкам поручать его нельзя, завалят. Убрать там – другое дело. Сам же Влад, прошедший у Василия Савельевича определенную школу в этом вопросе, их и учил. И «груз» свой у Гундорина тоже имеется за плечами. А с этим «грузом», который уже давно тянет на «особо опасную» уголовную статью, он ни в какую ментовку не пойдет, наоборот, будет остерегаться правоохранителей, как черт ладана. Так что тут и свои плюсы имеются...

Важно понять его логику. Что он задумал? Ведь нельзя же рассчитывать, что он теперь действительно остановится у своей тетки! Это в том случае, если вопрос с Макарцевым им уже закрыт. Денягин еще утром, не получив известия от Макарцева, сразу же позвонил в транспортную милицию и, сославшись на своего шефа, «главного парламентария по вопросам безопасности», попросил немедленно информировать о любых несчастных случаях, связанных с происшествиями на железной дороге. Даже описал приметы исчезнувших двух молодых людей, назвал их фамилии. Сказал, что они разыскиваются родственниками, обратившимися к депутату. И еще попросил своих, воронежских, связаться с ближайшими соседями. Так ему показалось правильно. Уголовный розыск сюда вмешивать пока не стоило.

Этот шаг оказался своевременным. Уже в середине дня он получил известие о том, что у соседей, в Липецкой области, имеется неопознанный труп, обнаруженный на перегоне от поселка Чернечки до станции Дрязги, между железнодорожными колеями. Судя по предварительному осмотру, принадлежит молодому человеку, скорее всего выпавшему из поезда. А вот какого, неизвестно. Обнаружен машинистом скорого ростовского поезда, о чем тот и сообщил по прибытии в Грязи. Интересует?

Еще как! Денягин почувал, что круг поиска сужается. И медлить нельзя. А тут всего и дела-то – небольшая прогулка.

Но оставалось еще одно важное дело, которое необходимо было прояснить здесь, в Воронеже. И касалось оно той тетки, к которой выехал Гундорин. Ее адрес можно было узнать только у матери Влада. Но посылать с таким вопросом к ней кого-то из парней нельзя, женщина может заподозрить что угодно и не скажет правды – так не пытаться же ее! Нет, тут взрослый подход нужен...

И Василий Савельевич, купив в магазине «дежурный» торт, – копейки, что ли, жалеть? – приехал в дом, где проживали Гундорины, мать и сын. Сына уже нет, убыл к тетке, так ведь договорились. А что он матери сказал, это вопрос. Как объяснил свой отъезд именно в Липецк? Условились ведь, что там появилась денежная работа. Ну, значит, теперь такая же работенка появилась и здесь. Осталось продумать свою роль.

Неожиданного гостя поразили чистота и порядок в квартире. И это не ускользнуло от хозяйки. Лидия Константиновна никак не могла взять в толк, чего ради этот хорошо одетый и вежливый мужчина средних лет так заботится о ее сыне? А может, Владик что-то натворил и его разыскивают поэтому?

Вряд ли Влад говорил матери о чем-то связанном с тем, чем занимались «пацаны» на самом деле, размышлял Денягин. «Легендой» же его, как было определено изначально, являлась работа в речном порту. Работа сдельная, случайная, найти и проверить, где трудится тот или иной человек, сегодня практически невозможно. А потому и очень удобно – в смысле элементарной конспирации. Но если бы речь зашла конкретно, то у Денягина были кое-какие возможности быстро решить с одним из бригадиров вопрос о «временном трудоустройстве» нужного человека. В заглавнике имелось, как говорится.

Вот и подумав немного, Василий Савельевич решил на минутку стать этим самым старшим бригадиром Находкиным Арсением Григорьевичем, у кого и работал Влад. Мол, срочная работа обозначилась, и хотелось бы, чтобы Влад, с присущим ему старанием, быстренько организовал ребят, с которыми вместе трудился, как делал это уже не раз.

А торт зачем? Тут «бесхитростный» Денягин «сознался», что на днях они крупно «повздорили» с сыном Лидии Константиновны, – ну, было дело, чего вспоминать? Так это – как бы в качестве примирения, что ли. Мол, парень как-то говорил, что мать его торты любит к чаю. Вот Василий Савельевич и вспомнил... случайно. Ну, на поддержку рассчитывая со стороны матушки.

Кажется, тема прошла, женщина поверила. Или сделала вид, будто поверила. Но с Владом – увы! – помочь тем не менее не могла, уехал он. Прямо вчера и отбыл из Воронежа. Но на очень заинтересованный вопрос гостя куда, отвечать не торопилась. Кажется, говорил что-то, кого-то называл, а она забыла.

Денягин понял, что мать продолжает его подозревать в каких-то нечистых мыслях. А сама-то хитрить так и не научилась. И он как бы пересилил себя, вроде сознаться решил.

– Да в принципе-то я догадываюсь и сам, куда он мог уехать. Мы ж не так давно обсуждали с вашим сыном возможности трудоустройства на более стабильной работе. Он Липецк упоминал. Я еще спросил, а жить-то там где собираешься? Есть знакомые? И он, по-моему, тетку свою упомянул. Но я пропустил, естественно, мимо ушей. А теперь жалею. Сейчас бы кинуть ему телеграммку в том смысле, что если еще не трудоустроился, то возвращайся, есть перспектива. Ну в самом деле, не ехать же черт знает куда!

А вот такая постановка вопроса мать, кажется, устроила. И, чтобы окончательно уверить ее в своих чистых помыслах, Денягин предложил ей самой дать эту телеграмму, только, если можно, побыстрей. Денек еще как-то терпит, но больше – уже ни в какую. Работа срочная и ответственная. А если справятся с нею и с некоторым опережением в сроках, то появится возможность сделать бригаду постоянной, а Влада назначить ее бригадиром. Парень-то он толковый, соображающий, уверял Арсений Григорьевич.

Искренний и уверенный тон гостя подействовал на мать успокаивающе, и она сама написала липецкий адрес Полины Петровны Бобровкиной и передала его Денягину. Пусть уж, раз такая срочность, сам отобьет телеграмму, куда ей, старой, бежать-то на ночь глядя! Тем более что Арсений Григорьевич обещал сам ему телеграфировать.

Дело было сделано, необходимость сидеть дальше и пить чай с тортом, на чем настаивала Лидия Константиновна, уже отпала. Денягин попрощался и ушел. Уже на улице подумал, что интуиция матери, конечно, не подвела женщину, но такова уж суровая действительность, в которой нет места сантиментам. И Влад – достаточно опытный парень, чтобы не знать этого. Значит, придется платить по счетам. А мать? Ну что ж, он ведь уехал, стало быть, прекрасно понимал, что время работает против него. И если он попытается слинять, жизнь матери станет весомым аргументом, чтобы он этого не делал.

Денягин выехал на машине в Грязи – на круг полторы сотни верст по хорошей трассе, – рассчитывая к середине дня убедиться в том, что тело неизвестного имеет прямое отношение к его интересу. Однако объявлять об этом в милиции нет никакой нужды. Афиша совершенно ни к чему. Жаль, конечно, покойного, но парень не наш, увы. Такая постановка вопроса. Значит, будем продолжать поиск...

Все оказалось именно так, как он и предполагал.

М-да, прокатилась жизнь по Серому тяжелым катком... Лицо у покойника было обезображено, и обнаженное тело больше напоминало тряпичную куклу. Денягин попросил показать ему одежду, которая была на покойнике, и сразу узнал ее. В этих светло-серых джинсах, такой же куртке и черных кроссовках был Макарец, когда приходил на встречу в кафе. Да и рост, в общем, его, и цвет волос... хотя натуральный их цвет в этой мешанине разобрать было нелегко. Ясно только, что они были светлые. Да этого и достаточно, Денягин был уже твердо уверен, что перед ним лежал именно Сергей Макарец. Но пришел он к такому выводу, стараясь, чтобы на лице у него не промелькнуло ни одной эмоции. Смотрел равнодушно, скорее, с оттенком жалости и даже отвращения. А как иначе и глядеть еще на изуродованный труп?

Поинтересовался у сопровождавшего его оперативника из отделения транспортной милиции на станции Грязи, который выезжал «на труп», не нашли ли чего-нибудь, что могло бы хоть как-то подсказать, кто это? Тот отрицательно помотал головой и сказал:

– Будто кто-то нарочно очистил все карманы. Ну, чтоб потом опознать не смогли, – и ухмыльнулся.

«А лейтенант, между прочим, сам того не подозревая, – подумал Денягин, – попал в точку. Именно так и было. И обозначать это обстоятельство могло лишь то, что Гундорин жив и здоров. И, что хуже всего, он теперь в курсе того, зачем с ним отправился Серый. Точнее, зачем Макареца отправил вместе с ним он, Василий Денягин. И вот это совсем плохо. Получается, что теперь уже Влад окончательно подписал свой приговор».

– А что медицинская экспертиза показывает? Ни драки, ничего? Может, убили и выкинули на ходу?

Лейтенант пожал плечами.

– Может, и убили... А что сбросили с поезда, это точно. Но никаких колотых, резаных ранений нет, тут и одного падения было вполне достаточно. Эксперт отметил, что причиной перелома позвоночника, разрыва практически всех внутренних органов и травм на голове жертвы, каждая из которых была, как говорится, несовместимой с жизнью, явился удар падающего тела о железнодорожный столб. Там и соответствующие следы обнаружены. Каша, в общем... Ну, так что скажете, знаком?

– Увы... Худо говорить, понимаю, но, к счастью, не наш... Хотя какое тут счастье, жалко человека. Это ж надо так?..

– Что поделаешь, – вздохнул лейтенант. – Еще один неопознанный.

– А что, и еще есть? – обеспокоенно спросил Денягин.

– Да нет сейчас, слава богу... Я – вообще.

– Ну, ладно, спасибо, лейтенант, желаю удачи. Но если что, вы уж не забудьте нашу просьбу?

– Да постараемся...

Лейтенант потерял всякий интерес к посетителю морга. И это было очень хорошо, оставлять свои следы даже в памяти случайного человека Денягину не хотелось.

Но теперь становилось понятным и то, что ни у какой тетки Влад Гундорин уже не остановится, хотя, возможно, и зайдет. Но это мало что даст. Впрочем... В любом случае, Липецк – вот он, тридцать верст обратной дороги. Можно успеть еще и сегодня, а можно и завтра с утречка да пораньше? А что, чем черт не шутит?.. Переночевать же можно будет в какой-

нибудь недорогой гостинице. Да и в местную милицию надо будет еще сегодня навеститься, мало ли, а вдруг?..

Это «а вдруг» почему-то словно заиклилось в голове. Ну, прямо хоть сейчас же бросай все и кати к ним. Но попутно появилась мысль о том, что если сегодня же, по какой-нибудь причине обнаружат еще один труп, то опознавать и его – это уж будет слишком. Поэтому Василий Савельевич решил пока остановиться. Одна ночь ничего не даст, а вот перед отдыхом хорошенько поужинать, это – самое правильное, это гарантирует здоровый, крепкий сон. А в принципе за свои нервы Денягин не сильно беспокоился, они у него всегда были в порядке.

Но, плотно перекусив в гостиничном буфете, Василий Савельевич взглянул на часы и увидел, что времени до официального окончания рабочего дня в учреждениях еще много, и проводить его попусту, то есть лежа в номере на кровати, довольно глупо. И он отправился в городской отдел милиции, прямо к дежурному.

Представился, как положено, помощником депутата, «корочки» предъявил и сообщил о причине своего приезда в Липецк. Упомянул о своем неудачном опознании в городе Грязи и назвал две фамилии людей, с которыми разговаривал там, в транспортной милиции, упомянул и тех, кого, по просьбе депутата, разыскивает милиция.

– Как вы сказали? – вмиг насторожился дежурный.

– Макарецев и Гундорин. Совсем молодые люди, отправились в ваш город вдвоем, здесь у одного из них родственники проживают. Но вот уже три дня ни слуху ни духу, родители беспокоятся, обратились к своему депутату, к кому ж еще?

– Ну, про вашего Макарецева я ничего не знаю, – странным голосом сказал дежурный, – а вот насчет Гундорина. Вы извините, гражданин...

– Денягин, – напомнил Василий Савельевич.

– Ага, – кивнул тот. – Но вам придется побеседовать кое с кем. Одну минутку! – даже чуть прикрикнул он, заметив, что посетитель сделал попытку подняться. – Значит, Гундорин, говорите? Сейчас разберемся!..

Дежурный набрал нужный номер и доложил:

– Товарищ полковник, дежурный майор Есипов докладывает. Тут посетитель явился. Очень интересуется гражданином Гундориным... Так точно. Задержать? Есть! Сидеть! – крикнул он Денягину. – Вы задержаны, гражданин...

– Денягин, – улыбаясь, протянул Василий Савельевич, думая, что ему, кажется, снова здорово повезло. Неужели этот Влад успел и здесь что-то натворить и его задержали? Ну дает парень!.. А о том, что сам задержан, он и не думал – это пустяки, сейчас разберутся, извиняться станут...

Дежурный не мог понять, почему улыбается задержанный им гражданин. Даже спросил:

– Чему радуетесь?

– Да так, – продолжая улыбаться, ответил Денягин. – Думаю, что и у вас и у нас одна причина для задержания этого Гундорина. Вы ж сами понимаете, майор, я не могу вам все рассказывать. Вашему руководству – другое дело, это – пожалуйста. Так что у нас с вами будет дальше, сюда кто-то подъедет, или вы сами меня к руководству проводите? Жалко терять дорогое время.

– Сейчас, – изменил тон дежурный. – За вами спустятся. А вот и...

– Здравствуйте, – сказал вошедший в дежурное помещение молоденький капитан юстиции, – следователь прокуратуры Осипенко Тарас Григорьевич. Прошу предъявить документ, удостоверяющий вашу личность.

– Пожалуйста, – хмыкнул Денягин и протянул следователю свое удостоверение помощника депутата Воронежского законодательного собрания.

Тот прочитал и, не возвращая «корочек», предложил:

– Попрошу вас пройти в мой кабинет. У нас есть важная причина задать вам несколько вопросов в связи с вашим интересом, касающимся гражданина Гундорина.

– Буду рад, сам разыскиваю его. А вы нашли, как я понял?

Следователь остро взглянул на дежурного, но тот только отрицательно покачал головой. И капитан кивнул:

– Пройдемте.

В кабинете на втором этаже нового здания городского управления внутренних дел сидели несколько человек. Очевидно, проводилось оперативное совещание, и появление Денягина прервало его.

– Присаживайтесь, – предложил следователь, показывая на стул у стола, с другой стороны которого сидели присутствующие – ну, понятно, допрос. – А теперь расскажите нам, желательно подробно, о причинах вашего интереса к личности господина Гундорина.

– Не совсем понимаю смысл вашего интереса, но сообщить могу следующее. Лично я по указанию моего шефа, депутата и так далее, передал в нашу воронежскую транспортную милицию просьбу немедленно информировать нас обо всех неопознанных трупах, обнаруженных или тех, которые могут быть обнаружены в ближайшие дни, на подведомственной им территории. И просили эту же просьбу передать их липецким коллегам. Обратились соответственно и к работникам медицинских учреждений. Почему? По нашим сведениям, двое молодых людей, некто Гундорин и Макарец, выехали несколько дней назад в Липецк, родня здесь или что-то в этом духе. Выехали и исчезли без следа. Родители, естественно, в слезы и – к своему депутату. Имелось несколько версий, не буду сейчас о них. Но буквально сразу же мне сообщили о найденном в районе Грязей неопознанном трупе молодого человека. Описания своих чад нам предоставили родители, и я немедленно выехал для опознания. Увы, труп оказался, извините за выражение, не наш. Вот и вся предыстория. Я остановился у вас в гостинице «Лето», надеясь встретиться и с вами и попытаться отыскать родственников пропавших, если таковые здесь действительно проживают. Дальнейшее, – Денягин широко улыбнулся следователю, – вам уже известно. Буду очень обязан, если вы также посвятите меня, в чем причина и вашего интереса к этим фамилиям. Они что-нибудь здесь успели натворить, так вас можно понять?

– Ну, с вами все мне ясно, – с улыбкой кивнул следователь и протянул Денягину его удостоверение. – Естественно, объясню, Василий Савельевич. И надеюсь, что вы поможете нам разгадать эту загадку. Итак...

И он рассказал, как недавно, примерно в пять часов, был обнаружен в привокзальном туалете убитый человек с фальшивыми долларами во рту, а при нем – паспорт на имя Гундорина Владислава Сергеевича.

– Все правильно, это он! – воскликнул Денягин. Но, подумав, спокойно добавил: – Если не произошло путаницы с паспортом. Подозреваю, что паспорт мог оказаться у другого человека.

– В каком смысле? – Следователь не понял. Остальные смотрели на гостя с интересом.

– Нет, в том что паспорт действительно принадлежит Гундорину, полагаю, сомнений нет. Но Гундорин ли найден вами в туалете, вот тут – большой вопрос. Может быть, вы покажете мне тело? Хотя, честно могу вам сказать, что огромного желания вторично за один день участвовать в опознании у меня, естественно, нет. Но у нас, как я понимаю, не имеется и другого выхода, верно?

– Похоже на то, – кажется, начал догадываться и следователь. – Вообще говоря, у меня тоже вызвал некоторое сомнение возраст убитого. Покойный показался мне несколько старше того возраста, что указан в его паспорте. А в остальном вроде бы особых противоречий нет. Видимо, потребуется судебно-криминалистическая экспертиза для установления истины.

– Да вы мне просто лицо трупа покажите. – Денягину уже надоела эта волокита. – А я вам скажу, он это или не он. Я его недавнюю фотографию у родителей видел, характерное лицо, узнать нетрудно.

– Ну что ж, нет проблем. Едем в морг, это близко.

И все загремели стульями, поднимаясь...

Истина была установлена без труда: не он. И значит, паспорт Гундорина был хозяином либо утерян, либо украден у него.

«Либо, – мелькнула мысль у Василия Савельевича, – сознательно передан самим Владом в другие руки, чтобы вместе с документом затерялись и его концы». Но мыслью своей Денягин делиться со следователем прокуратуры не стал. Достаточно ему и того, что все мечты Осипенко о быстро раскрытом деле на проверку оказались нереальными. Очередной неприятный «висяк», причем завязанный на фальшивой валюте. Не позавидуешь. Это ж начальство с шеи теперь не слезет.

Собственно, сам паспорт Василию Савельевичу не был нужен. Но, может, он липецким сыщикам что-нибудь подскажет? Хотя вряд ли. Если только не найдется случайный свидетель того, каким образом этот паспорт попал в руки сбытчика фальшивой валюты. Но это уже – долгая, кропотливая работа.

Оставалась тетка. Вот к ней и решил прямо с утра направиться Василий Савельевич, пожелав липецким сыщикам удачи. Домашнего адреса ее он, разумеется, им не сказал...

Глава пятая

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Тягач выкатил самолет на рулежную полосу. Одна за другой заработали турбины, салон наполнился свистящим ревом, который, впрочем, скоро стих. Из хвоста самолета быстро прошла в направлении кабины пилотов знакомая уже стюардесса в синей кокетливой пилотке на золотистых кудрях. Обернувшись на миг к Турецкому, она мимолетно улыбнулась ему, но от Александра Борисовича не укрылась озабоченность и в ее взгляде, и в быстрой походке.

Пауза длилась недолго. Скоро корпус самолета дернулся, качнулся и покатился, но опять не сам, а так, будто кто-то потянул его за собой. Красивая стюардесса, еще более озабоченная, пробежала в хвост самолета, потом так же быстро вернулась обратно и, наконец, словно успокаивая себя, взяла микрофон и громко объявила по трансляции:

– Господа пассажиры, по некоторым техническим причинам наш вылет на Москву ненадолго откладывается. Сейчас вам предложат забрать свой личный багаж и пройти в зал ожидания. О посадке вас известят. Экипаж просит вас не волноваться и приносит свои извинения за прерванное путешествие. В случае более длительной задержки вам будет предложено питание за счет обслуживающей вас авиационной компании...

Она вышла в салон и заговорила снова:

– А сейчас я еще раз прошу вас не волноваться, взять свою ручную кладь и спокойно пройти на выход.

Она открыла дверь и приглашающим жестом показала на трап, уже подкативший к борту лайнера. Турецкий дождался, когда выйдут пассажиры и из заднего салона, и тогда последним подошел к девушке.

– Я смотрю, вы сами больше всех переволновались, причем, по-моему, совершенно зря. Не подскажете, до которого часа предполагается задержка? Может быть, мы уж заодно и поужинаем вместе? Или у вас так не принято?

Девушка натянуто улыбнулась:

– Да, обед мы проворонили... Это очень неприятно, когда вот так, неожиданно... А про ужин я еще не знаю. Не думала. Наверное, из Москвы пришлют самолет, если тут... Впрочем, пожалуйста, пройдите на трап. Сейчас к борту подадут автобус, и он увезет вас в аэровокзал.

Что стало причиной невылета, она не сказала, а у Турецкого как-то и охоты не было интересоваться. Ну, не улетели – и не улетели. Как в старой песне: «А что случилось? Ничего не случилось. Просто так получилось, тра-та-та, тра-та-та...» – ну и так далее.

– Так я еще увижу вас? – спросил он, обернувшись на трапе.

Она кивнула ему и добавила:

– Если вы не передумаете лететь с нами.

Это было уже посерьезнее. Но почему он должен передумать? Ответ, точнее, подсказку, он получил уже в длинном открытом автобусе, который делал круг по полю, чтобы доставить пассажиров в здание аэровокзала. Рядом разговаривали двое молодых людей, из тех, которые обычно все знают наперед.

– И часто у них такое? – негромко спросил худой в очках.

– Так сам посуди, сколько часов налета?... Ну, меняют они движки... – высоким голосом ответила длинноволосая рыжая девушка, стоящая спиной к Турецкому. Она повернула голову в профиль, и стала видна жидкая бородавка, как у начинающего священника. Вот тебе и девушка!

– Конечно, старина, все устает... – философски заключил «очкастый». – Хорошо, что не на взлете... Они ж гоняют машины на износ, сами рискуют без конца.

– А мы – фаталисты... Но нет худа без добра...

«Повезло? – отстраненно подумал Александр Борисович. – Так кто у меня сегодня мой талисман? Эва или эта, в пилоточке?.. А что, если пришлют новый самолет из Москвы, то сколько ж ждать? Не лучше ли сдать билет и уехать любым проходящим поездом?.. И потом, Турецкий, чего это ты так торопишься в Москву? Горит там у тебя? Наверное, как раз наоборот, горит именно здесь, и ты сам прекрасно догадываешься, почему...»

Стюардесса – это, конечно, шутка, а вот встретиться с Эвой было бы чрезвычайно приятно. Но где она? Вопрос прозвучал для Турецкого странно. Как где? В одной из гостиниц, разумеется. Надо просто прозвонить пяток центральных, в дешевых «номерах» уважающая себя «девушка» останавливаться не будет, если только... Ну да, если не у своих знакомых. Но она же намекнула, что прилетела сюда специально, в расчете встретиться именно с ним – в первую очередь. А уж свои дела – это попутно. И если она действительно рассчитывала его встретить здесь, то наверняка подумала и о месте встречи – Эва всегда отличалась трезвой практической жилкой, свойственной, вероятно, даже самым страстным и неводержанным в сексуальном отношении прибалтийским женщинам. Другими словами, последнее для нее не было вопросом, не имеющим конкретного практического решения.

И еще раз мимолетное сожаление тронуло его своим крылом в виде напоминания об очаровательной стюардессе, имени которой он так и не удосужился узнать. Увы... А Эву он нашел через полчаса, после десятого или одиннадцатого телефонного звонка в справочные службы воронежских гостиниц. Гражданка Латвии госпожа Ладзиня Эва Теодоровна остановилась в фирменной гостинице «Воронеж», где сняла полулюкс, как она радостно объявила ему, услышав, что самолет не улетел из-за каких-то серьезных поломок, а новый прилетит неизвестно когда, и Турецкий сдал билет, чтобы ехать поздно ночью или под утро проходящим поездом, и поэтому у него теперь масса свободного времени. Больше ничего объяснять не требовалось и спустя полчаса Александр Борисович поднялся на третий этаж центральной гостиницы.

Гражданка Латвийской Республики, кажется, и не собиралась распаковывать свой довольно-таки объемный кофр на колесиках. Но полупрозрачный, невероятно, кстати говоря, сексапильный халатик, конечно, достала, и встретила Александра Борисовича уже облаченная по-домашнему. И он также не заставил себя долго ожидать.

Ну, халатом он пользоваться не собирался, поскольку у него с собой его и не было, но полотенце предусмотрительно достал. И эта его маленькая тактичная предусмотрительность, продиктованная многосторонним жизненным опытом, так умилила пухленькую страстную женщину, высоко ценившую не только первоосновы любовной науки, но также и сугубое преимущество обильных излишеств, что последовавшая затем почти полуторачасовая лавина упоительных взаимных эскапад сопровождалась только нарастающим потоком взволнованных междометий. Звучавшие с явным латышским акцентом, они безумно возбуждали Турецкого, начинавшего уже всерьез опасаться за свое драгоценное здоровье. Но недаром же и Эва считала себя знатоком любовных утех, она умудрялась чисто интуитивно просекать ситуацию, заставляя себя соблюдать меру даже тогда, когда мозги срывались с тормозов.

Турецкий и в лучшие-то времена высоко ценил это ее великое женское умение, а что было думать теперь? Да просто гениальный мастер!..

Короче, тяжело груженный корабль его желаний, стремительно ворвавшись в укромную и уютную бухту, устало навалился сильно побитым и ободраным в бесчисленных океанских штормах корпусом на спасительную причальную стенку, и долго еще содрогался потом, встреченный громом праздничного салюта, восторженными всхлипами бесчисленных оркестров и прочими массовыми проявлениями безмерного народного ликования...

А народ действительно ликовал. Вероятно, это был тот самый редчайший в нормальной жизни случай, когда идеально притертые друг к другу детали в своем бесконечном движении

и создавали реальные предпосылки для изобретателей вовсе и не такого уж фантастического, как представлялось, «вечного» двигателя. Пусть один случай на миллион, но зато какой!

И еще одно, почти идеальное умение Эвы заключалось в том, что она могла в вынужденных паузах легко переключаться с одной темы на другую, не создавая при этом в мозгах любимого партнера ненужной путаницы и сумятицы из несвязных, подозрительных по смыслу фраз и нелогичных вопросов. Зато, легко ухватившись за кончик какой-нибудь почти неразличимой мысли, она могла долго и ненавязчиво, а главное, совершенно беззаботно вытягивать и раскручивать ее, доставляя при этом немалое удовольствие самодовольному мужчине, для которого его собственное дело, разумеется, всегда оставалось наиважнейшим в жизни. Вот и этот быстро приближающийся вечер не стал непривычным исключением.

– И чем же занимался в этом скучном городе мой любимый мужчина? – спросила Эва, аккуратно раскладывая у Александра на груди свои роскошные белокурые волосы, издающие тонкий аромат явно нездешних духов, – она прекрасно знала, как обожал он в такие вот интимные минуты гладить и расчесывать пальцами ее крупные локоны.

– А разве Ирина тебе не сказала? – в свою очередь лениво поинтересовался он, имея в подтексте незаданный вопрос: а о чем вы вообще трепались с Ирккой.

– Нет, – словно зазвонил тонкий «колокольчик» голоса Эвы, – мы обе были... дипломаты, да? – «Колокольчик» продолжал звонить.

«Ну что ж, во всяком случае, Ирка – не дура... У нее хватает такта...»

– Неприятное дело, дорогая моя... Есть такие нехорошие парни, их зовут скинхедами, может, слышала...

– Даже видела. Они не оставляют приятного впечатления, да?

– Уж это точно подмечено... В общем, здесь недавно убили одного иностранца. Важного. Решили возбудить политическое дело. Надо было разобраться и дать верную оценку.

– И ты это сделал, мой любимый, так? – с готовностью подхватила Эва.

– Именно так, – довольно ухмыльнулся он. – Не я один, конечно, товарищи вместе со мной работали.

– Я знаю, ты тактичный, – поощрительно улыбнулась она. – Делаешь сам, а других хвалишь. В тебя стреляют, а ты, мой герой, говоришь: пустяки. О, мадонна, как это похоже!..

– На что? – машинально спросил он, накручивая локон на палец.

– Папа... Он бы меня совсем не понял. Я не говорила. Он был этот... Вы зовете националист. Он любил старую Латвию и не хотел новой.

– С немцами, что ль? – не придал значения Турецкий.

– Нет. Я не так сказала. Он свастику тоже не любил. Как любят ее ваши скинхеды, да? Он хотел старый порядок. Президент, сейм... А ваши тогда не хотели. Они никогда не хотели.

– А я правда не знал. Значит, ты дочь невинно репрессированного?

– Наверно, невинный – не совсем так. Он же не любил русских. И мне бы не разрешил.

Вот как?.. Турецкий задумался. Ну а по правде говоря, что он знал об Эве? О ее семье, прошлом? О ее родителях? Да ничего толком не знал. Раньше, встречаясь, они торопились делать то, к чему оба непосредственно и стремились, а если разговаривали, то разве что о тех вещах или событиях, которые непосредственно касались их лично. Кажется, однажды у нее промелькнуло, что отца давно нет, а мама занимается какими-то швейными делами – то ли модная закройщица, то ли обычная портниха. Ну хорошо, и что это меняет теперь? Пострадал, надо понимать, отец за дело. Раз сама дочь сомневается в его невинности.

– А зачем теперь ворошить старое? – сказал он. – Латвия – свободная, самостоятельная страна, мы друг для друга иностранцы, и, скажу тебе откровенно, мне даже какую-то остроту в наших с тобой отношениях придает такая ситуация. А тебе?

– Я люблю с тобой, – просто сказала она.

– И со мной? – почему-то шутливо сорвалось у него с языка.

– Ты хочешь думать, что и с другими – тоже? – Эва серьезными глазами уставилась на него. – Но я так не скажу! И тех, которые у нас тоже ходят со свастикой, я так же ненавижу, как ты – ваших.

– Девочка моя, – целуя Эву, сказал Александр, – а зачем нам обсуждать каких-то скинхедов? Разве более приятных дел больше нет? Или ты устала и тебе надо отдохнуть? Кажется, мы темп взяли немного слишком, нет?..

– Я тебя берегу. Ты был ранен, я узнала. Но, как ты обычно говоришь, шкура целая, да? Это хорошо, ты мне нужен целый. А про отца я вспомнила потому, что если бы он сегодня жил, ему бы вернули его прошлые заслуги. Но он все равно был бы лучше, чем скинхеды.

– А он что, с «зелеными братьями» был связан? Или как там они у вас назывались тогда?

– Наверно. Но ты не сердись?.. На меня. Что я не говорила.

– Слушай, маленькая моя, да какая теперь разница? У вас и сегодня полно тех, кто нас, ну, русских, ненавидит. Но лично у меня в Латвии врагов нет, зато есть много хороших друзей. И никто из нас никогда не тычет друг в друга пальцем. Мало ли что бывало в прошлом?

– Так, но ведь мы всегда хотели только свободы для своей страны, не больше.

– Ну, вот и добились, молодцы. А мы и не сильно, насколько я помню, возражали. А с твоим отцом, будь он сегодня живой, мы могли бы даже подружиться. Разве не так?

– Наверно... – как-то уклончиво ответила Эва и снова положила голову ему на грудь, под его мерно ласкающие ее волосы пальцы.

Ей это очень нравилось, даже легкая дрожь, чувствовал он, пробежала по ее обнаженной, атласно-белокожей спине. Невероятно томительное ощущение наплывающей волны желания. Но следующая произнесенная ею фраза была подобна препятствию искусственного свойства, о которое вдруг разбилась вкрадчиво подбиравшаяся волна.

– Тобой недавно очень интересовался плохо известный мне мужчина. Он мне напомнил, что хорошо знал моего отца. И я его, кажется, давно видела. У папы. Но забыла, как зовут, а он сказал: зови просто – Анатоль.

«Вот откуда ассоциации», – подумал Александр. А имя Анатоль ему решительно ни о чем не говорило.

– Но кто он все-таки? И что ему было надо конкретно от тебя?

– Не знаю, – задумчиво произнесла она. – Но он мне сразу не понравился. Навязчивый. Как это? Брезгливость... к мужчине, понимаешь?

– А почему, если не секрет? – он насторожился, и волна отвалила в сторону.

– Неприятный очень. Сказал, что видел нас... давно. Я поняла, в самом начале...

– Но что ему надо? Он старый?

– Не молодой. Не как ты. Но... сильный, а лицо очень старое. Он спрашивал, где тебя найти. Я еще не знала, не разговаривала с твоей Ириной. Сказала, давно не виделись. Я не хотела посвящать его в наши отношения. И потом, я вправду же не знала. А он сказал, что тебя в Генеральной прокуратуре нет, и где теперь работаешь, не говорят. И домашний твой адрес он не знает. А ему обязательно нужно.

– Хотел-то от тебя чего?

– Чтоб я узнала, где ты. И все про тебя. Он... очень настаивал, – как-то уклончиво пояснила Эва, не глядя Александру в глаза. – Немного угрожал, – добавила осторожно. – Я не виновата, я была вынуждена позвонить Ирине. Мы поговорили, я сказала ему, и он отвязался. – Эва брезгливо передернула матово-розовыми полными плечами. – А я сейчас подумала, зачем это нужно? И не знаю... Отвратительно... Я неправильно сделала?

– Откуда я-то знаю?.. Впрочем, не бери в голову. Если я ему нужен, найдет, тогда и спрошу... На всякий случай, опиши мне его, чтобы я смог узнать при встрече...

Турецкий говорил спокойно и убежденно, чтобы снять напряжение у Эвы. Она, кажется, искренне раскаивалась в том, что вынуждена была пойти на поводу у малознакомого ей чело-

века, который ей не понравился. И ко всему прочему «очень настаивал». Эва не «расшифровала» своего выражения, но Турецкому стало понятно, что чья-то непонятная «настойчивость» вполне могла испугать женщину по-настоящему. А если тот тип знал еще и ее отца, который пострадал за свои деяния, да?.. То вообще возникает вопрос: с какой стати этот отвратительный хрен интересуется «важняком» из Генеральной прокуратуры России? Вроде в делах Турецкого, связанных с Латвией, в настоящее время не было никаких особых криминальных загадок. Нет, ну, случалось в прошлом, конечно, и преступников ловили, и в Россию экстрадировали, и обратно – по требованиям латышей.

Впрочем, серьезного повода для волнений Александр пока не видел. Но какая-то неясная тревога все-таки возникла. И Эва это тоже мгновенно почувствовала. И в ней немедленно проснулось такое безумное желание, которое должно было захлестнуть его сознание и решительно отодвинуть в сторону все, что не имело непосредственного отношения к тому, ради чего они нежились среди смятых простыней. Что в конечном счете и произошло. Потому что пришли они в себя тогда, когда за окном стояла глубокая ночь, подсвеченная уличными фонарями, да еще скользящими по потолку отблескам от фар пролетающих по проспекту редких в этот час автомобилей...

Утро принесло шаткое ощущение приятной опустошенности, с одной стороны, и, с другой – явственно одобренного коньячным похмельем утомления. Значит, хорошо потрудились, так и старались ведь. А бутылки коньяка с шампанским, которые в магазине у гостиницы купил Турецкий, похоже, были успешно ликвидированы, как враждебный класс, наверняка ночью, в коротких паузах, когда Эва совсем уже в раж вошла... Впрочем, не только она. У Александра тоже было состояние, близкое к срыву с катушек. Ему казалось, что он нарочно, буквально на пределе своих физических возможностей, решил проверить себя сегодня ночью, насколько успешно проходит у него реабилитация после тяжелой контузии и множественных мелких ранений. Словом, где ж еще и проверяться-то? Точнее, на чем? Ну-у... на ком?..

И первое, что обнаружил Александр, продрав в буквальном смысле глаза, были мирно покоившиеся рядом с ним, почти под рукой, подобно двум мраморным полушариям, пышные и гладкие ягодицы цвета молочно-розового зефира. А левая полная коленка Эвы преспокойно устроилась на подушке, рядом с щекой Турецкого.

«Ничего себе! – подумал он. – Интересно бы узнать, когда мы закончили? Вернее, на чем остановились?..» Но рядом, кроме мертвецки спящей красавицы, естественно, никого не было, значит, и вопрос – в пустоту. Впрочем, пробилось некое воспоминание сквозь не рассеявшийся еще туман. Кажется, он, активно утверждая свой тезис на практике, убеждал Эву, что самое сладкое место для поцелуев помещается у нее под коленкой, сзади, прямо на ее голубых жилках. И она восторженно взвизгивала, как от невыносимой щекотки, и дрыгала ногой, пытаясь ею сжать его щеки... Ну, было, и что? Однако, почувствовав некоторую неловкость и стараясь сфокусировать зрение, уставился на свои ноги, где обнаружил льняную, распотрошенную копну Эвиной головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.